

Искорка

1973

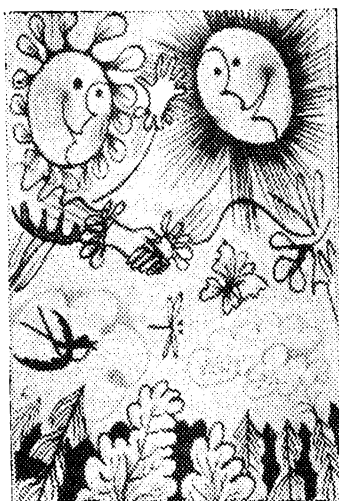

газеты
«Искорка» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

ИЮНЬ • 1973

год издания XVII

Василий ФЕТИСОВ

Как начинается л е т о

Май с июнем встретятся —
от улыбок светятся!
В небе
громко пляшут,
молниями машут.
Так плясали,
что разбилось
неба синее стекло,
а тепло,
что там хранилось,
через щёлочку полилось
и на землю натекло.

И остался над землёй
благодатный летний зной.

Песни первых пионеров

Мы ногами землю мерим.
То роса, то зной, то тень.
Песни первых пионеров
с нами ходят целый день.
Став навеки другом нашим,
всё шагает впереди
знаменитый барабанщик
с барабаном на груди.
Удлинились наши тени.
Все решили:
на привал!
«Тот не знает наслажденья,
кто картошки не едал!»
Словно уголь, чёрная,
на костре печёная,
ой, как весело летит,
если волчий аппетит!
А попить —
на камень ляжешь —
по губам бежит струя,
флягу смятую отвяжешь
от широкого ремня, —
«Буль-буль-буль,

¹ баклажка
походная моя!»
С огоньком,
с душою смелой
и со звонкою строкой,
песни первых пионеров
не уходят на покой, —
продолжают жизнь свою
с пионерами в строю!

В лесу

Это мы не проходили,
это нам не задавали,
просто мы в поход ходили,
чудеса в лесу видали.

Первым чудом дятел был —
дырку в дереве долбил.
А второе чудо — ёж.
Он фырчал: «Меня

не трожь!»
Третье чудо — белкин дом
с круглым маленьким

окном.

Шли домой и распевали:
«Тили-дили, трали-вали!»
А из рожицы соседней
нас послушать вышел лось.
Очень жалко, что медведя
повстречать не удалось!

Клевер

Тучи. Сосны. Ветер.

Север...

Низко небо серое.
Но пылает в поле клевер,
Как малина спелая.
Ловко пчёлка каждый

шарик

и осмотрит, и обшарит,
а тяжёлые шмели
клевер клонят до земли.
И такой над полем дух,
будто мёд разлит вокруг!

Колокольчики

Если летом
тишь вокруг,
ты сходи
послушать луг.

На лугу
бывает звон —
лёгкий-лёгкий,
словно сон.

Нити скрутят паучки —
и на кончике
залетают в колпачки,
в колокольчики.

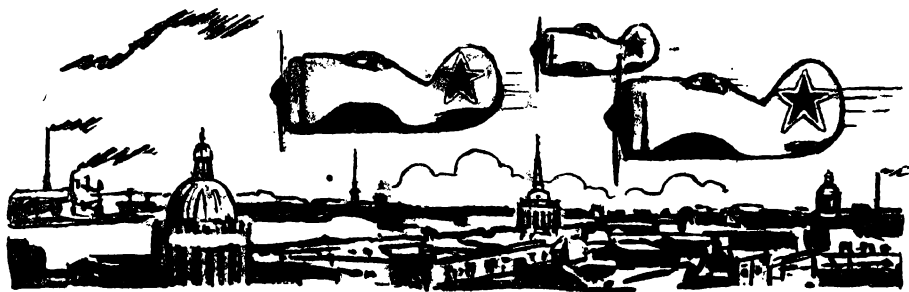
Там привяжет паучок
паутинкой язычок,
и давай всюю звонить,
лапкой дёргая за нить.

Дили-дон!
Дили-дон! —
голубой идёт трезвон.

Навостри получше уши!
Иль тебе не слышен он?
Ты послушай, слушай,
слушай,
и придёт счастливый
случай,
ты услышишь этот звон,
лёгкий-лёгкий,
словно сон:
Дили-дон!..
Дили-дон!..

Рис. Ю. Бочкарёва

П Е Р В Ы Е Г Е Р О И

*И сколько ещё себя в схватках лихих
Покажут советские люди!
Мы многих прославим, но этих троих
Уже никогда не забудем.
Запомни же русские их имена,
Что дороги будут для внуков:
Здоровцев Степан, командир звена,
Пилот Харитонов и Жуков.*

А. ТВАРДОВСКИЙ

ШЁЛ семнадцатый день войны. В ночь на 9 июля 1941 года мне довелось дежурить в типографии, где готовился к выпуску очередной номер фронтовой газеты «На страже Родины». Три страницы уже были полностью подготовлены к печати. Оставалась одна — первая полоса, которую заканчивали верстать солдаты-наборщики. И вдруг позвонили из ТАССа (Телеграфное агентство Советского Союза):

— Задержите сдачу номера в печать. Шофёр везёт вам важное сообщение.

Хотя от ТАССа до типографии десять минут езды, пришлось ждать машину почти це-

лый час: для пропуска судов по Неве развели мосты. Шофёр поехал в объезд и наконец вручил мне пакет. Вскрываю, читаю Указ Президиума Верховного Совета СССР:

«...За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

1. Командиру звена, лётчику, младшему лейтенанту — **ЗДОРОВЦЕВУ** Степану Ивановичу.

2. Лётчику, младшему лейтенанту — **ЖУКОВУ** Михаилу Петровичу.

П. Т. ХАРИТОНОВ

С. И. ЗДОРОВЦЕВ

М. Ф. ЖУКОВ

3. Лётчику, младшему лейтенанту — ХАРИТОНОВУ Петру Тимофеевичу».

Указ набрали крупным шрифтом. Ведь это первые Герои Советского Союза, удостоенные высокого звания в Великой Отечественной! И все трое — ленинградцы!

В шестом часу утра, захватив пачку свежих газет, мы с фотокорреспондентом выехали на один из ближайших аэродромов, где базировался истребительный авиационный полк.

— Герои здесь? — спрашиваю у командира полка.

— Только двое, третий должен скоро прилететь. Беседуйте со Здоровцевым и Харитоновым, фотографируйте героев, но не задерживайте: на восемь тридцать назначается митинг полка...

Вместе с лётчиками, совсем юными младшими лейтенантами, мы ушли на ближнюю поляну. Я уединился со Степаном Здоровцевым, а мой товарищ расположился на траве с Петром Харитоновым. Оба лётчика совершили свой подвиг в один и тот же день, но младший лейтенант Харитонов сделал это на несколько часов раньше. И потому расскажем сперва о нём.

28 июня 1941 года. Седьмой день войны. Пётр Харитонов дежурил около своего «ишачка» (так лётчики ласково называли самолёты-истребители «И-16»). С одного из постов воздушного наблюдения сообщили:

«К аэродрому приближается один «юнкерс-88»...

— Литаврин, в воздух! — раздалась команда. И в тот же миг небо над аэродромом прочертила зелёная ракета — сигнал к взлёту. Ракета, шипя, ещё мерцала в воздухе, а истребитель лётчика Литаврина, разбежавшись по бетонной полосе, уже взмыл и быстро набирал высоту. Наблюдавшие снизу видели, как Литаврин взлетел выше вражеского бомбовоза, развернулся и, зайдя в хвост вражеской машине, дал пулёмётную очередь. «Юнкерс» встряхнуло, но он продолжал лететь.

И тогда над аэродромом зелёной звёздочкой вновь взвилась ракета.

— Харитонов, в воздух!

Для Петра — это первый воздушный бой. Через несколько минут он скрестит оружие с врагом. Пилот взволнован, но страха нет. «Литаврин бьёт сверху, а мне заходить с хвоста и — по брюху, — решает он в полёте. — Брюхо у них слабое».

У Литаврина кончились патроны, он отвалил в сторону. Харитонов остался один на один с «юнкерсом». Вражеский лётчик разгадал замысел Петра и, резко снизив машину, пустился наутёк. Харитонову ничего не оставалось, как зайти сбоку. Бьёт по «юнкерсу», а тот летит, не падает. Бьёт, пока есть патроны. Но и они кончились.

«Уйдёт, мерзавец! Теперь только винтом». И Харитонов решился. Подойдя к «юнкерсу» вплотную, он рубанул винтом по хвосту. Во все стороны полетели обломки с паучьей

свастикой. «Юнкерс» камнем рухнул на землю.

Толчок был силен. Истребитель Харитонova затрясло, как в ознобе. Лётчик потянул ручку управления на себя и даже не поверил: «ястребок» послушно полез вверх! Опробовал другие рули — и они выдержали таранный удар.

Таран в воздухе — это высокое мужество. Много таранов совершили советские авиаторы, но мы не знаем, чтобы такое сделал хоть один фашистский ас.

Среди ленинградских лётчиков Пётр Харитонов был первым, кто таранил врага. А через несколько часов такой же подвиг совершил командир звена Степан Здоровцев.

Как сейчас вижу этого паренька, за год до войны закончившего авиационное училище. Мы расположились на траве. Лётчик берёт из пачки газет с Указом о присвоении ему высокого звания одну и прячет в большой планшет.

— Матери пошлю! — тихо говорит Степан.

Я записал рассказ Здоровцева со всеми подробностями. Вот он.

— Не знаю даже, как вам всё в точности передать. Если по душам говорить, то я удивляюсь, почему в Указе названы только три фамилии. Ведь ещё добрый десяток добавить можно. У нас тут, прямо скажу, очень лихие ребята. Большинство недавно из училища. Не знаю ни одного, кто бы не рвался в бой.

А со мной вот как всё происходило. Я дежурил на аэро-

дроме. Готовность — номер один: сидел в кабине истребителя. Прочертит небо зелёная ракета — немедленный взлёт! И вот, представьте себе, видимо, после разбойничьего налёта на нашу территорию возвращался к своим, на запад, одинокий «юнкерс». То ли он один уцелел, то ли его наши «ястребки» отсеки от других и ему удалось улизнуть от преследования, но он оказался не-вдалеке от нашего аэродрома. Отчётливо доносится характерное завывание летящего «юнкерса».

Сигнал! Прямо со стоянки свечой ухожу в небо. Линия фронта не очень далеко, там много наших зениток, и, чтобы обезопасить себя от их снарядов, «юнкерс» постепенно забирается всё выше и выше.

Я тоже достиг нужной высоты и ложусь на курс фашистского бомбардировщика. Решил бить его наверняка, а для этого надо как можно ближе подобраться. Учтите, на «юнкерсе» — два стрелка. Чтобы не заметили, пристраиваюсь строго под бомбардировщиком.

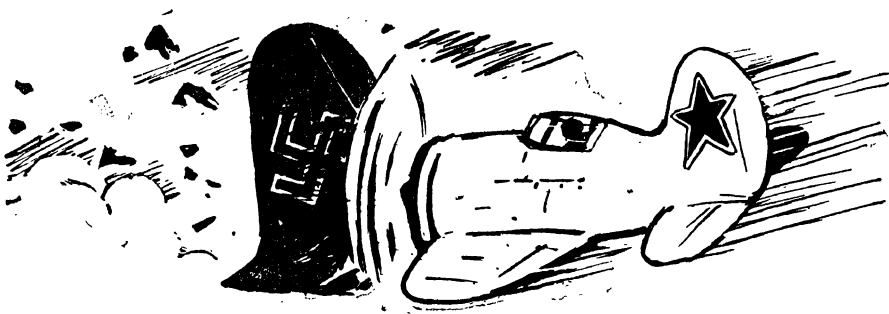
А минуты бегут... «Юнкерс»

и я приближаемся к линии фронта. Высоко забрался фашистский пилот. Увлёкшись преследованием, я, по правде говоря, этой высоты вначале и не заметил. Но она сама дала знать: неожиданно почувствовал, что начала кружится голова. Весь я как-то обмяк, движения стали вялыми, нечёткими. Взглянув на альтиметр, всё понял: высота — выше шести тысяч метров. Не спуская глаз с «юнкерса», притянул кислородную маску, глубоко вдохнул, раз, ещё раз — сразу же стало легче.

А время бежит... Я уже подобрался к бомбардировщику настолько близко, что отчётливо вижу лица двух стрелков. Расстояние до них — метров пятьдесят.

Нажимаю на гашетки. Даю очередь... Вижу, как повис один из пулемётов «юнкерса». Вы догадались, вероятно, что это значит. Снова захожу под бомбардировщик. Второй стрелок предполагает, что я вынырну теперь с другой стороны и, повернувшись, ждёт, чтобы встретить пулемётной очередью. Но я вынырнул опять справа и упредил фашистско-

го стрелка. Повис и его пулемёт.

На схватку со стрелками утекли драгоценные минуты. До линии фронта рукой подать. А бомбардировщик продолжает полёт. Даю ещё очередь, на этот раз по левому мотору. Он было вспыхнул, но тут же погас. Стреляю ещё — никаких результатов. Снова нажимаю на гашетки и вдруг обнаруживаю самое неприятное: боезапас кончился! А фашист летит себе и никаких... Патронов у меня нет, с кулаками на него не полезешь.

Таран! Ни о чём больше не думаю — только сбить, сбить проклятого фашиста! Отвожу от себя рычаг, даю форсированный газ. Мотор взревел. Каждая секунда сближает нас. Остается десять метров, пять... ещё один миг... Резкий толчок. Мой самолёт тряхнуло с такой силой, что правым крылом он стал вертикально к земле. Ещё мгновение, и «ишачок» выровнялся. Гляжу на «юнкерса» и вижу, ясно вижу, что винтом срубил ему руль поворота, а он, дьявол, всё-таки летит и летит...

Вот положение... Сами понимаете, — совершить таран

впустую! Решаю таранить вторично. Ни о жизни, ни о смерти в те секунды я не думал.

Вперёд! Вперёд! До отказа тяну ручку. Снова сближаюсь с фашистом. И снова удар в хвост «юнкерса», но какой удар! «Ястребка» моего так швырнуло, что я вышел, как говорят лётчики, в переворот. Самолёт трясло. Больших усилий стоило сбить с него «лихорадку». Наконец я взглянул вокруг. Делаю вираж и убеждаюсь, что «юнкерс» сбит.

Теперь задача самому как-нибудь не свалиться бы. Два таких удара, что, казалось, одни щепки должны остаться от самолёта. А он цел, мой милый «ястребок», цел да ещё летит. Хоть и очень-очень медленно, но всё же тянет к родному лётному полю. Лечу и думаю: дотянет ли?

Да, «ишачок» чуть ли не ползёт, скорость самая малая, но, как говорят водители, слушается руля. От двух таранов мне и самому не очень здоровоится. Наконец различаю приметы своего аэродрома. Иду на посадку. Сделал всё по правилам, посадил истребитель нормально и даже вырулил с посадочной полосы на стоянку.

Последний выхлоп, выбираюсь из кабины, иду к винту, а его и нет. Все лопасти начисто срезаны, остатки загнулись. Глядя на винт, я понял, как был близок к гибели. Только высота и спасла меня. Из-за слабой тяги винта самолёт всё время снижался и мог разбиться.

Степан замолчал. Воздух вокруг был наполнен тревожным рокотом то взлетающих, то идущих на посадку самолётов. Я дописывал последние строчки рассказа Здоровцева, а он, пользуясь коротким отдыхом (надо было идти на митинг, а через два часа заступать на боевое дежурство), раскинув руки, лежал на спине, устремив взор в удивительно ясное, совершенно безоблачное, летнее небо...

Третий герой, младший лейтенант Михаил Жуков, вернулся лишь к вечеру. Он был на год или два моложе своих однополчан Здоровцева и Харитонова. Выглядел школьником последнего класса. Его подвиг также схож с тем, что сделали Харитонов и Здоровцев. Разница была лишь в том, что, преследуя вражеский самолёт, он гнался за ним до самого Псковского озера. «Юнкерс» пытался спастись от нашего «ишачка» тем, что шёл на бреющем полёте, над самой водой. Но не вышло. Жуков таранил его и снёс фашисту всё хвостовое оперение. Только и успел заметить Миша, как немецкий бомбардировщик поднял над озером огромный фонтан!

В то время ленинградской авиацией командовал Алёк-

сандр Александрович Новиков. Собрав материалы о подвиге трёх однополчан, он поехал доложить о них командующему войсками нашего фронта М. М. Попову и А. А. Жданову. Заканчивая доклад, Новиков предложил представить всех троих к присвоению звания Героя Советского Союза. Были заполнены наградные листы и отправлены в Москву. Через несколько дней знакомый уже вам Указ Президиума Верховного Совета СССР был подписан.

Вас, ребята, конечно, интересует дальнейшая судьба трёх Героев. Золотые Звёзды были вручены только двоим. Всего лишь сутки спустя после того, как был опубликован Указ, из полка трёх Героев поступило донесение: «Герой Советского Союза младший лейтенант Степан Здоровцев не вернулся с боевого задания».

Девятого июля он вылетел с заданием разведать дороги на территории, захваченной врагом. Здоровцев уже возвращался обратно и, пролетая над фашистским аэродромом, поджёг несколько вражеских самолётов. Гитлеровцы подняли тревогу, взлетели ракеты, немецкие асы бросились наперехват дерзкого советского лётчика-истребителя. Завязалась неравная схватка, в которой и погиб Степан Здоровцев.

По Волге теперь плавает пароход, на борту которого начертано «Степан Здоровцев». Это астраханские земляки легендарного лётчика попросили присвоить его имя одному из новых судов.

Не дожил до Дня Победы и Михаил Жуков. После памятного подвига, совершённого им в воздушной схватке над Псковским озером, он воевал ещё полтора года. Много раз вступал в бой с вражескими лётчиками, военное счастье сопутствовало ему. В январе 1943 года Жуков прикрывал с воздуха нашу сражавшуюся пехоту. Несколько фашистских самолётов окружили его. Жуков сражался до последнего патрона, но уж слишком неравны были силы...

И лишь Пётр Харитонов провоевал всю войну и вместе со всем народом праздновал великую победу над фашистской Германией. Живёт он сейчас в Донбассе.

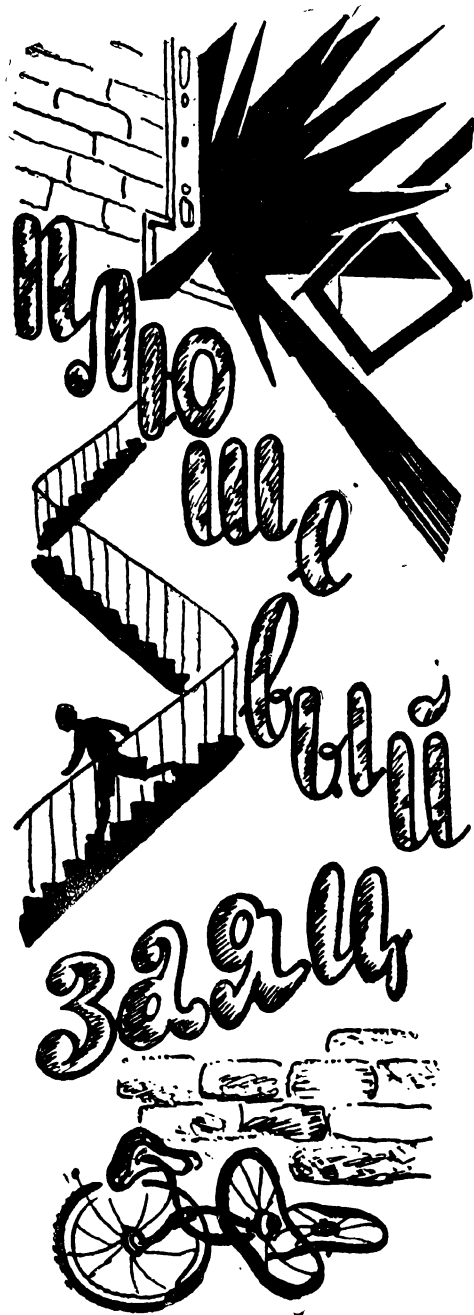
Почти двенадцать тысяч человек числится в списке Героев Советского Союза, получивших это звание в годы Великой Отечественной войны. Кого мы только тут не встретим! Тут и лётчики, и пехотинцы, необыкновенно дерзкие разведчики, действовавшие в глубоким тылу врага, матросы-десантники, отважные партизаны и партизанки, смелые ребята-пионеры, сапёры, взрывавшие вражеские доты, подводники, топившие вражеские корабли в их же портах, — тут воины всех родов оружия... Первые три были лётчиками и были они защитниками ленинградского неба.

Игорь ФРОЛОВ

П о л д е н ь

*Нагулялся ветер вдоволь,
спать улёгся под кусты.
Дремлют рыжие коровы,
а вокруг — цветы, цветы...*

*Пахнет мёдом синий воздух,
и куда-то вдаль плывут
облака-молоковозы,
где их очень, очень ждут.*

ИЗ-ЗА ЭТОГО зайца Вадьке Данилину житья не было от наших деревенских мальчишек. Да он ещё сам был похож на зайца: большие уши торчком и два крупных передних зуба, из-за которых рот у Вадьки был слегка приоткрыт. Но дело не в этом. Дома у него на старом ободранном комоде сидел серый плюшевый заяц с красными стеклянными глазами. Игрушка для малолеток. А мы лучшими игрушками считали уже разные железки от комбайнов и тракторов.

Я говорю «дома у него», а дом-то как раз был не его, а бабки Лазутиной, Лазутихи, что жила за лиманом. Вадька с матерью квартировали у неё. К нам в село они прибыли из блокадного Ленинграда в 1942 году, весной, месяца за два до того, как из-за Волги хлынул нескончаемый поток беженцев. Взрослые говорили о них с уважением:

— Питерская кость, крепкая.

Мать у Вадьки была учительницей, но летом, пока не начались занятия в нашей семилетке, она работала на овощах. Ей это было очень кстати: домой она каждый вечер приносила то пару огурцов, то тройку красных помидоров — подкармливала Вадьку.

— И с каждой-то морковкой к бригадиру норовит: вот, мол, Семён Васильевич, взяла с грядки, так уж вы запишите в счёт оплаты, — рассказывали про неё женщины, дивясь такой несусветной честности. — Да ещё и стыдится, видал ты.

— Ленинградка, — отвечали им, и этим говорилось всё.

Но, несмотря на прикармливание, Вадька был худеньким и щуплым. Острые ключицы торчали у него из-под плечиков выгоревшей майки, а на конопатом личике сквозь неплотный загар проступала бледность.

Как-то раз Вадька зашёл к нам во время обеда. Мы с бабушкой ели картофельную похлёбку из большой глиняной миски с обколотыми краями.

Рис. П. Вискова

— Давай-ка с нами, — предложила бабушка и полезла в стол за ложкой.

— Я кушал недавно, — отказался Вадька. Он присел у порога и сделал безразличное лицо.

— То кушал, а теперь садись поешь, — настаивала бабушка. Но Вадька так и не поддался на уговоры, хотя по временам заметно было, как по горлу у него прокатывается комок.

— Уж вы глядите, не обижайте его, — украдкой сказала мне бабушка, — провожая нас на улицу. — Он уж и так за десятерых отмаялся.

С чего это она взяла, будто мы его обижаем? Бывает, конечно. Так сам же он и виноват. Будь у него характер попроще, никто бы его и не трогал.

Трудно дружилась Вадьке с нами. Неудобный он был человек в нашей компании. Всё у него не по-нашенски. В лиман купаться лезет в трусах. Это же подумать только: в такую жару трусы под штанами носит, как взрослый! Про головастики говорит, будто они совсем не кусаются и будто из них вырастают лягушки. В кармане носит чистый платок. Тут не соглашается, там норовит поправить. А ответишь ему как следует, он уставится на тебя и давай хлопать белесыми ресничками. Потом поймёт обиду, глаза начинают диковато поблёскивать, а дыхание становится тяжёлым, воздух аж свистит в носу. Сожмёт кулачки, подберётся весь, вот-вот, думаешь, бросится на обидчика. А он вдруг топнет ногой, молча повернётся и бегом домой.

— Ябедничать помчался, — убеждённо говорил обидчик. — Бежим, ребя, сейчас училка с дрыном выскочит.

И хотя никто и никогда не видел, чтобы Вадькина мать за кем-нибудь гонялась, мы на всякий случай убегали подальше от их избы.

А однажды Вадька затеял спор с Петькой Марченко. Петька верховодил у нас в компании. Он даже уверял, что успеет вырасти и побывать на фронте.

— Как это? — сомневались мы. — Война ещё пять лет, что ли, будет?

— А ты думал! Ещё и больше. То немцы наших гонят, то наши немцев. Потом опять. Пока всех мужиков не перебьют у кого-нибудь.

Это походило на правду: война шла уже целый год, а взрослые с тревогой говорили, что немцы подступают к Дону...

А поспорил Вадька с Петькой Марченко из-за легкового автомобиля. В селе у нас было только два стареньких грузовика, а легковые машины случались лишь наездом из Саратова. Для нас такие наезды были целым событием.

— Лимузин мчится! — кричали мальчишки, издали завидев чёрную «эмку», и бросались за ней

вслед. Чаще всего машина останавливалась на площади около колхозного правления. Мы обступали автомобиль плотным кольцом, толкались, приглушёнными голосами спорили о назначении разных деталей, робко и почтительно заглядывали в кабину. Порой случались неслыханные удачи: раздобывшийся шофёр позволял кому-нибудь из нас влезть на подножку и нажать пальцем на кнопку гудка.

На этот раз машина была необычной — приземистая, с откинутой брезентовой крышей, раскрашенная вперемешку зелёными и коричневыми пятнами. И остановилась она в необычном месте — за лиманом, возле школы. Перебегая плотину, мы увидели, как из машины вышли двое военных и скрылись в дверях пустовавшей школы.

— Я говорил — госпиталь будут делать! — крикнул Петька, задыхаясь от быстрого бега. Мать у Петьки работала в сельсовете, вела там документы, поэтому все новости шли через неё.

В машине за рулём сидел третий военный — рядовой красноармеец в запылённой пилотке. Он расстегнул воротник гимнастёрки, откинулся на спинку сиденья и устало прикрыл глаза.

— Немецкая, — шёпотом сказал один из мальчишек, показывая на три непонятные буквы на радиаторе. — Дядь, это у немцев машину отбили?

Красноармеец чехотая открыл глаза, с ног до головы осмотрел любознательного собеседника.

— Вовсе не отбили, — ответил он, хитро улыбаясь. — На тыквенные семечки выменяли. Не веришь?

— Лимузинчик что надо! — восхищённо причмокнул губами Петька и, присев на корточки, с видом знатока заглянул под колёса.

— Это не лимузин, — тихо возразил ему Вадька.

— А что же? — насмешливо уставился на него Петька. — Телега?

— Не лимузин, — упорно повторил Вадька. — Раз верх откидывается, значит, не лимузин, а кабриолет.

— Иди лучше со своим зайцем поиграй! — возвысил голос Петька. — «Кабрилет!» Может, по-ленинградски и кабрилет, а у нас от такого слова куры чихают, понял?

Мы разноголосо загоготали, восхищённые остротой своего жоака.

— Между прочим, малый прав, — сказал вдруг красноармеец и кивнул в Вадькину сторону. — Так что, братец, — насмешливо добавил он, глядя на Петьку, — хоть ты телом и крупнее, а головой — того...

Тут на школьном крыльце показались оба военных в командирских фуражках. Они о чём-то озабоченно разговаривали. Мы почтительно расступились, пропуская их к машине. Машина взревела мотором и резко взяла с места.

— Айда, ребя, к цыганам, — утрюмо предложил Петька, кивая головой в сторону четырёх латаных-перелатаных шатров, стоявших у самого въезда на плотину. — Там один цыган из ржавого обруча серебряные крестики куёт. Вчера моя бабка выменяла за горшок молока. Блестит — аж глазам больно. А ты, — повернулся он к Вадьке, — иди своей дорогой, раз ты такой умный.

Мы гурьбой повалили к цыганскому табору, а Вадька остался стоять на месте, глядя нам вслед недоуменно и растерянно. Вообще-то было немного жаль его. Ведь прав был он, а не Петька. А с другой стороны, так ему и надо, умнику. Ну ладно, пусть ты лучше разбираешься в машинах, но зачем же Петьку позорить перед красноармейцем? Петька, он и старше, и на голове у него не одна макушка, а целых две: взрослые говорят, что это признак ума.

Тут я немного хитрил перед самим собой. Обидно было не только за Петьку, но и за себя тоже. Сколько бы и о чём мы ни спорили с Вадькой, всегда он оказывался прав. Хоть и насчёт тех же головастиков. Спросил я у бабушки, а она говорит: верно, лягушки из них вырастают. И так во всём, во всём...

Уходя, я украдкой оглядывался назад. Сперва Вадька стоял со сжатыми кулаками. Потом топнул ногой и припустился бегом в противоположную от нас сторону...

— ТАК ДЛЯ ЧЕГО, говоришь, табак этот? — переспросил Петька, всем своим видом приглашая нас принять участие в скандальном и весёлом зрелище. Петька стоял на высокой груде сырых табачных листьев, поэтому Вадька смотрел на него снизу вверх, задрав голову. Смотрел вопросительно и насторожённо.

Дело происходило неделю спустя после ссоры из-за автомобиля. Как-то незаметно, само собой, Вадька снова подключился к нашей компании. Так у нас и шло с ним дело — от одной ссоры до другой.

Парень-то он был неплохой, рассказывал много интересного про войну, про блокаду. Вот только умничал больно...

Табак сушился под огромным навесом посреди загона для колхозных овец. Овцы были в степи на выпасе, загон всё лето пустовал, и мы нередко устраивали настоящие сражения возле его низких саманных стен. Вот и в этот день: разделившись на две партии, мы устроили очередной штурм крепости. Вместе с воинственными криками с обеих сторон летели увесистые комья пересохшей глины.

В самый разгар осады в ворота загона пара сонных волов вкатила огромную арбу, доверху нагруженную только что скошенным табаком.

— Махру привезли, ребя!

Бой сразу утих. Взбравшись на стену, мы с нетерпением ждали, пока хромой возчик свалит весь табак под навес.

— Вот я вам, оглоеды! — погрозил он нам вилами.

Пустая арба не успела ещё скрыться за воротами, а мы уже рылись в грудях душистого, разогретого солнцем табака, выбирая листья покрупнее.

— Мы его истопчем, запачкаем весь, а потом взрослым курить будет нечего, — сказал Вадька, не решаясь вместе со всеми лезть под навес.

— А его, думаешь, курить привезли? — спросил Петька.

— А для чего же?

И тут-то Петьку осенило. Он немного помолчал, дожидаясь общего внимания, потом с высоты самой большой кучи злорадно переспросил:

— Так говоришь — курить?..

Петькино злорадство было нам понятным и казалось справедливым. Наконец-то он рассчитается за свой недавний позор у трофейного автомобиля. Мы-то хорошо знали, что табак предназначается для мытья колхозных овец. Его кипятят в большой железной бочке, а потом зелёным вонючим отваром промывают овцам шерсть, чтобы в ней не заводился чесоточный клещ. А он — курить! Ну-ка давай, поспорь теперь!

— Курить, — ответил Вадька не совсем уверенно.

Петька прыгнул с табачной кучи и подошёл к Вадьке вплотную.

— Не курить, а зайцев кормить! — злоеце процедил он сквозь зубы и, наклонившись, сунул табачный лист в карман Вадькиных вельветовых штанов. — Вот ему гостинец от меня, пусть жуёт вместо капусты. Мало? — Петька обернулся к нам и сделал рукой приглашающий жест: — Что, ребя, обеспечим зайца кормёжкой?

И пошло, и пошло! Мы шумно обступили Вадьку и, заражаясь друг от друга слепой беспощадностью, стали с гоготом набивать табак его карманы. Сначала пихали отдельные листья, потом стали хватать из кучи целые ветки, сминали их и грубо заталкивали ему за пояс и за пазуху.

Вадька не отбивался. Он стоял с опущенными руками, только ноздри у него раздувались, а на побледневшем лице чётко проступили веснушки.

— Хорошо! — крикнул наконец Петька и, когда наш пыл немного поостыл, насмешливо спросил Вадьку: — Ну как, хватит ему на месяц?

Вадька глядел на нас одичалыми глазами, нижняя губа у него отвисла и заметно подрагивала. Он выхватил из кармана пучок обмятых табачных листьев и с озлоблением швырнул их к нашим ногам.

Потом из другого, потом из-за пазухи. Швырнув на землю последний пучок, он топнул ногой и бегом бросился к воротам загона...

— Вам-то что, — сказал Петька после долгого общего молчания. — А мне скоро в школу, там она задаст мне жару!

Он имел в виду учительницу, Вадькину мать. У меня на душе тоже было как-то неуютно. Шкурничали над Вадькой все вместе, а раздумывать теперь приходится одному. Небо над головой казалось мне уже не таким ясным, как час назад. И вовсе не от страха, нет...

НЕ ПОМНЮ, как мы дальше коротали время в этот день, но первые вечерние сумерки застали нас на спортивной площадке за школой. Мы сидели тесной гурьбой на краю неглубокой ямы для прыжков в длину, грели босые ноги в раскалённом за день песке и о чём-то разговаривали.

— Училка, ребя! — тревожно встрепенулся один из мальчишек.

От школы прямо к нам шла Вадькина мать. Петька весь рванулся, готовый броситься наутёк, но сдержался, только озабоченно сморщил широкий лоб. Мы теснее прижались друг к другу.

— Здравствуйте, ребята, — сказала учительница, подойдя к нам вплотную. В её голосе не слышалось пока ни угрозы, ни гнева. Стопанные пыльные тапочки на ногах и выгоревшая розовая косынка на белокурой голове придавали ей простой, вовсе не сердитый вид.

— Здравствуйте, — ответили мы не очень дружно, зато дружно и виновато зашмыгали носами.

— Я хочу посоветоваться с вами по одному делу, — сказала учительница и на минуту задумалась. — Знаете что, — сказала она решительно, — пойдёмте к нашей избе, там я всё и расскажу.

Мы недоверчиво переглянулись меж собой.

— Не робейте, — улыбнулась Вадькина мать. — Ну!

Один за другим мы нехотя поднялись с земли.

— А то мне Вадик задал сегодня задачу, — говорила учительница на ходу оборачиваясь к нам. — Я ему говорю: вот спросим у ребят, они и подскажут, как нам быть. Ведь вы друзья с Вадиком? — учительница приостановилась и внимательно осмотрела наши лица.

— Друзья, — смущённо ответили мы и зашмыгали носами ещё слаженнее.

— Вот я и говорю ему, — тронулась дальше учительница. — Как друзья подскажут, так и поступим. Подождите меня здесь, — попросила она и легко взбежала на крыльцо своей избы. Неподальёку от крыльца дымила летняя печка, уставленная закоптелыми чугунами. Возле печки толкалась тёмнолицая бабка Лазутиха, поглядывая в нашу сторону не очень приветливо.

— Дело вот какое, — сказала учительница, появляясь в дверях, и показала нам плюшевого зайца. — Садитесь, — пригласила она, указывая на ступеньки крыльца, и сама присела на верхнюю. Из дверей смущённо выглядывал Вадька. Всё ясно. Вадька и плюшевый заяц — чего уж тут пускаться в долгие разговоры. Ну и влипли! Главное — теперь и убежать-то нет никакой возможности...

— Ты, Вадик, тоже садись, — подвинулась учительница, освобождая место рядом с собой. — Дело, значит, вот какое. Приходит сегодня Вадик и говорит: «Мама, выбрось зайца, чтоб его больше не было у нас». Я спрашиваю: «Почему?» — «Выбрось и всё. Или спрячь, чтоб его никто не видел. Я не маленький и не девчонка, чтобы с зайцем играть». — «Так ты же, — говорю, — и не играешь с ним вовсе». — «А все думают, что играю. Спрячь или выбрось». — «А может, — спрашиваю, — тебя дразнят этим зайцем?» — «Нет, никто не дразнит, сам так хочу»...

Учительница сделала выжидательную паузу, будто давая нам время подумать. Мы смущённо молчали, Вадька тоже.

— Ребята, — спросила вдруг учительница, — а кто из вас видел, как рвутся настоящие снаряды, фашистские? Никто? А вот Вадик много раз видел. Правда, Вадик?

— Правда.

Чего это она всё про зайца, да про зайца, а теперь вдруг про снаряды? Разговор, однако, пошёл в более интересную сторону, и мы смотрели на учительницу, разинув рты.

— Один снаряд попал в нашу квартиру, — продолжала она. — Что, не верите? Прямо в нашу комнату. И знаете, кто спас Вадика? Вот этот зайка. — И она ласково погладила зайца по плюшевой голове.

Теперь мы и впрямь смотрели на учительницу с недоумением. Как это — плюшевый заяц спас от снаряда?

— А вот как, — сказала Вадькина мать, будто отвечая на наш общий молчаливый вопрос. — Утром я пошла на питательный пункт, там соевое молоко выдавали. Вадик остался дома. Сидел он на подоконнике и играл с этим зайкой. Я двор перешла, остановилась, посмотрела, рукой ему помахала. А на питательном пункте очередь

была, я и задержалась немного. Тут как раз обстрел начался. Получила я молоко и бегом домой. Вбегаю во двор, глянула на свое окно, а из него чёрный дым валит и рамы разбитые болтаются. Помню только, как бутылка моя об асфальт хлопнулась...

Учительница обхватила Вадьку за плечи, прижала к себе. Вадька смущённо и сердито вырвался.

— А уж на лестнице соседи увидели меня и кричат: «Жив он, жив!» И ведут его мне навстречу. Он этого зайку к себе прижимает, а на лице не столько испуга, сколько удивления. Да и не удивительно разве? Он, оказывается, играл-играл на подоконнике, а зайка возьми, да и выпади во двор. Вадик и побежал за ним. Вниз спустился, а тут как трахнет где-то вверху. Он сперва и внимания не обратил, привык. Подобрал зайку и побежал назад. Прибегает, а уж по всей лестнице пыль столбом и соседи толпятся...

Я слушал учительницу, и мне вдруг показалось, будто и сейчас в воздухе запахло дымом и сухой кирпичной пылью. Впрочем, дымом и вправду тянуло из печки, в которую бабка Лазутиха то и дело подбрасывала охапки сухого камыша...

— Ну, как, ребята, — спросила учительница. — Надо выбрасывать такого зайку?

— Зачем? — загалдели мы нестройно, но убеждённо. — Нет. Не надо.

— Видишь, — сказала Вадьке мать. — Ребята с тобой не согласны. Придётся нам оставить зайку у себя. А если кто вздумает тебя дразнить, так ребята ему расскажут, какой это зайка. Верно, ребята?

— Верно...

ТУТ ПО ХОДУ рассказа следовало бы ожидать, что наши отношения с Вадькой после этого разговора резко изменились. Вовсе нет. Были и размолвки, были и ссоры, потому что Вадька оставался таким же настырным и несговорчивым. К тому же в истории, которую нам рассказала его мать, мы, по своему мальчишескому разумению, главным героем считали не Вадьку, а плюшевого зайца.

Но дразнить Вадьку Зайцем мы с тех пор навсегда перестали.

Две тени

Была у них долгая ссора —
Тянулась ещё со вчера!
...Меж ними хватало простора:
Свободно промчалась пчела,
Ворона перо уронила,
Шёл ёжик, траву шевеля,
А главное — солнце светило,
Текла между ними земля.

Мириться они не хотели,
Хоть вместе на речку брели, —
И в разные стороны тени
От них на дорогу легли.

В надутом молчанье глубоком
Шагали и тот и другой,
Но первая тень ненароком
Вторую задела ногой...

Кузнечики так стрекотали,
Так знойно потрескивал луг,
Что тени послушные стали
Перечить хозяевам вдруг!

И тень свою длинную руку
К другой протянула без слов,
Потом наклонились друг
к другу

Две круглые тени голов.
И что-то друг другу шептали
До самого леса они.
А после исчезли, отстали,
В лесной растворились тени.

Вода ослепительно-близко
Сверкнула в прорывах ветвей...
«Купнёмся?» — промолвил

Бориска.
«Конечно!» — ответил Сергей.

ЖАВОРОНКИ ПРИЛЕТАЮТ СЮДА

Тесать — это не кору снимать. Тут надо размахнуться и, хакнув, вложить в удар всю свою силу да сноровку. Чуть лишку заглубишь, так топор вязнет, обессиленный. Апустишь поверху — слизнёшь, как рубанком, стружку, но не щепку. Сразу засадили ладони, а рубахи на спине потемнели.

В котловане тоже не легче — он же глубокий! Всади-ка лопату на полный штык да отвер-

ни пласт глины, да размахнись пошире, а то покатаются комья не наружу, а тебе же на голову. И жарко тут, в яме, как в печи, — ниоткуда не продувает.

Но землекопы не жалуются. Поснимали штаны, рубашки, работают в одних трусах, подначивая друг дружку, беззлобно посмеиваясь.

У Карася от лопаты огнём схватились ладони, но он терпит: знает, что и Егору не легче и самому Сашке Зиме. Терпит, хоть изредка и поплёвы-

вает себе в пылающие ладони. Так разве ж он один? Сашка с Егором тоже поплёвывают.

Время от времени подбежит Одуванчик, глянет сверху своими бархатными глазами, подмигнёт и снова куда-то исчезает. Обидно, что из ямы нельзя глазеть по сторонам. Над тобой только небо да кое-где в нём звонкая птица — жаворонок.

Колька украдкой косит глазом на солнце: помнит, что предстоит дневная дойка! Но не она беспокоит Карася, а то, что придётся отпрашиваться. Как ещё артель на это посмотрит?

Незадолго перед обедом донёсся какой-то шум и громкие голоса. Но землекопам не видно, что там делается на поверхности, а вылезать из котлована ради любопытства тоже не с руки. Прислушались, молча переглянулись — ничего не поняли.

Вдруг на Кольку посыпалась сверху земля. Он отскочил, оглянулся: у самого края котлована стоит пятилетний Женька Солдатов и тарашит свои большие небесного цвета глаза. Маленький, круглый, с прилипшей ко лбу, ещё не просохшей после купанья светлой чёлкой.

— Я тебе! — припугнул Колька, замахиваясь лопатой.

Женька струхнул. Но перед тем как убежать, он озорно топнул босой ногой, обрушив вниз солидную порцию комковатой глины, и лишь после этого укатился, как колобок.

Оказывается, на стройку пожаловал детский сад. Ясно, что работа приостановилась и

начались разговоры. Тут уж даже сам Одуванчик ничего не мог поделать. Он только покоился, опасаясь, как бы кто из малолетних не дорвался до топора.

Вылезли и землекопы, радуясь случаю дать волю языкам и наслаждаясь ветерком, который слабо тянул со стороны Бородулинского поля, донося далёкий стрекот комбайна.

Малышня быстро вооружилась щепками, воображив, что это сабли, и на поляне слышались воинственные крики, сопровождаемые отчаянными выпадами и молниеносными наскоками.

— Такое дело, — остановил Сашка пробежавшего Одуванчика. — Нам с Карасём надо отлучиться часа на два на ферму. Разрешаешь?

— На ферму? А что там делать?

— Так доить же! — высунулся из-за Сашкиного плеча Колька Карасёв. — Мы ещё со вчерашнего вечера... за Катю...

— За Катю? Вот здорово! — удивился Одуванчик. — И они ещё спрашивают...

— Слыхали? — возгласил Егор на всю артель. — Карась с Зимой, оказывается, в дояры подались. Нам же теперь лафа! Молочко, простоквашка, творожок — свои собственные! А я бы и от сметанки не отказался. Прихватишь кружечку с фермы, Карась? На земляных-то работах харч должен быть первейший...

Колька вспыхнул было, но

тут же сообразил, что ничего обидного Егор не сказал.

— Работничек — отшутился он. — Трактор вон какой котлован отгрохал и кормился соляркой, автолом да водой. А Егор два раза копнул и уже ему сметанки...

— Егор любитель! — подхватили шутку.

— Крупный знаток...

Катя с Надей кое-как оставили сабельное сражение и погнали перед собой горластый, поминутно разлетающийся в разные стороны косяк. А следом зашагали Колька и Сашка.

— Знаешь что? — неожиданно остановился Колька. — Иди-ка обратно. А то получается, будто ты при мне за няньку. Хватит и того, что недоумил дурака да не дал отстыда провалиться. Верно?

— Так уж и за няньку! На пару — веселей...

— Мало что веселей. А зачем же тогда говорится: «Любишь кататься — люби и саночки возить»? — упёрся на своём Карась и решительно повернул Сашку за плечи.

Отбежав несколько шагов, он оглянулся. Сашка стоял на том же месте.

— Обиделся, да? — поспешил Колька обратно. — Ну как ты не понимаешь? Нашкодил-то я, а не ты. Значит, мне и оправдываться перед Катей. Понял? Да если бы только перед Катей!

— А перед кем ещё?

Колька повёл глазами, чувствуя, что больше не терпит, выложит всё, а там будь что будет!

— Перед всей артелью, — признался он. — Я ж только то и делал, что шкодил. Зависть во мне засела, как гадюка. Одуванчиков топор, думаешь, чьих рук дело? Моих! А твоё поршневое кольцо? Вот же оно, возьми! — вытащил он руку из кармана и крикнул, давась слезами: — Забирай, пока не забросил!

Колька ждал оплеухи и, не дождавшись, глянул с недоумением на Сашку:

— Что ж ты стоишь, не бьёшь? А кольцо, если хочешь знать, это за соль.

— Насыпал, что ли, под рубашку? — усмехнулся Сашка.

— Насыпал!

— Ну и балбес! Выходит, мы теперь квиты: я тебе насылил, а ты мне.

— Врёшь! — не поверил Колька. — Я и сам сперва думал — квиты, а потом-то разобрался. Соль — это одно, а колечко — совсем другое. Скажи ты мне, Зима, ну какая тебе была охота заступаться за меня перед батькой, а потом — перед тёткой Натальей и Катей? Вот я бы на твоём месте не стал.

Сашка подумал и ответил:

— Сперва окажись на моём месте, потом и скажешь.

С ОГЛЯДКОЙ НА КОМБАЙН

Большая, сложная и сильная машина комбайн. Но издали, со строительной площадки, он казался не крупнее затерянной в океане лодки. И даже не верилось, что этот гудящий жук в состоянии повалить бескрайнее поле ржи.

Повалить, затянуть в себя и поделить на две неравные части — выплюнуть на стерню громоздкую, лёгкую солому и бережно перелить из своего бункера в кузов самосвала маленькие, но тяжёлые, как охотничья дробь, золотистые зёрна.

Комбайн шёл гигантскими кругами, то затихая вдали и скрываясь за бугром, то снова появляясь на горизонте. Строители ревниво на него оглядывались, как бы сравнивая, у кого больше наработано: у них или у комбайнера. Каждый помнил, что Одуванчик от имени всех обещал закончить хранилище вместе с уборкой.

К радости строителей, Бородулинское поле пока ещё лишь стиснуто Филиппом Соломиным со всех сторон, но далеко, не сжато. И комбайну на нём ещё гулять и гулять. А потом на других полях. А вслед за озимыми подспеют яровые... Тем временем и строители не станут дремать. Может, им даже удастся первыми завершить своё дело и ещё подсобить на уборке. Об этом никто не говорит, но втайне надеется каждый, кося глазом на гудящего жука, словно опасаясь какого-то подвоха от этого грозного «противника».

Случалось, что комбайн внезапно замолкал. И в то же мгновение строители разом скидывали головы. Но не торжество над «противником» светилося в их глазах, а испуг и тревога: «Не поломался ли!» Ведь в этом необъявленном состязании главная задача всё-таки решалась не здесь, а там, в поле.

Поглядывал на Бородулинское поле и плотник дядя Андрей. Ему и хотелось бы туда не смотреть, а вот смотрелось! На свою непростительную ошибку, на свой стыд и срам. Хоть никто и не попрекал и даже не напоминал Клешинёву про страшную ночь пожара, но он-то ведь её не забыл и не простил себе. Всё ждал, когда у кого-нибудь из мальчишек сорвётся с языка словцо...

Но никто не проговорился! Мальчишки тараторили обо всём на свете, а про пожар не заикались, словно его и не было. Держали под прицелом своего «инженера», стремясь с одного взгляда, с полунамёка понять любое его указание и выполнить его как можно лучше.

И дело шло. Привезённые из леса круглые брёвна превращались под дружными топорами в четырёхгранные балки, в стропила и стойки. Немало их, уже готовых, лежало поверх щепы, дожидаясь укладки на место. А тем временем Сашка, Егор и Колька Карасёв копали в котловане ямки. Ладони их попривыкли к лопатам и уже не пылали, как раньше. Голый по пояс Егор,

успевший сменить обгорелую кожу на спине, ухитрялся не только орудовать лопатой, но и подначивать Кольку Карася, называя его то Ильёй Муромцем, то Добрыней Никитичем, то шагающим экскаватором.

Одуванчик разжёл на поляне жаркий костёр и закатил в него первые четыре стойки, которые встанут по углам в приготовленные ямки. Ему не терпелось увидеть не одни лишь разбросанные по поляне загостовки, а хоть какое-то начало сооружения. Поворачивая стойки в огне, Одуванчик следил, чтобы их концы обугливались ровно и на достаточную глубину. Ведь давно известно — обугленная древесина в земле не гниёт.

— В самый раз подпалил! — похвалил работу дядя Андрей, подойдя. — Небось охота поскорее вкопать?

— Охота! — признался Одуванчик.

— Мне, брат, и самому тоже, — подмигнул плотник. — Всегда веселей работать, когда видишь, как говорится, первый забитый кол.

Выкатив из огня толстую четырёхметровую стойку, он обхватил её, поднёс к углу котлована и, крикнув вниз, чтоб посторонились, швырнул обгорелым концом в яму.

— Держите! — заорал просиявший Егор и начал быстро закапывать ямку, вприщур поглядывая, ровно ли Сашка с Колькой держат стойку и красиво ли она выглядит в котловане.

— Свеча! — с восхищением произнёс отбежавший Саш-

ка. — Трамбуй, не жалею ног! — И пошёл впрысдку вокруг стойки, выделявая замысловатые коленца, словно и не устал вовсе.

Вслед за первой встали по углам и остальные стойки. Артель заметно повеселела. Теперь уже каждый мысленно представил, как поверху и понизу охватят их пояса из тёсаных жердей, как выстроятся в шеренгу за этими поясами, повернувшись горбылями к земле, осиновые плахи, которые и станут плотными, надёжными стенами хранилища. Самые нетерпеливые успели представить даже готовую шиферную крышу, даже стеллажи внутри, прогибающиеся под тяжестью ароматной жёлтобокой антоновки.

Одуванчик уже прикинул мысленно, как ему распределить теперь рабочую силу, чтобы в тесноте котлована никто никому не мешал, а дело спорилось.

НОВАТОРСКАЯ МЫСЛЬ

На стройку припожаловал дед Михась. Он каждый день навевался к своим лесорубам и даже, случалось, помогал протесать бревно или выдолбить долотом в балке гнездо под шип.

Отозвав дядю Андрея, дед Михась уселся на бревне, набил свою трубку и по привычке протянул плотнику кисет.

— Не занимаюсь! — отказался от угощения дядя Андрей. — Или забыл, дедушка? Я ведь всё своё курительное

в печи спалил. С тех пор и в рот не беру.

— Забыл, будь оно неладно! Я вот что хотел тебя спросить: каким порядком думаешь дальше стройку вести?

— Каким же? Обыкновенным. Обставим стены, стеллажи поделаем на свободе, потом перекроем по балкам, засыпкой дадим, а напоследок — кровлю.

— Напоследок? — переспросил дед. — А не лучше ли с неё начать?

Станный и на первый взгляд несуразный совет. Но плотник догадался, что неспроста его подал старейший Михась: наверняка держит в уме какую-то важную задумку!

— Отчего ж нельзя! Можно, — осторожно заметил Клешинов. — Только ведь этим мы сами себе руки свяжем. Она же, кровля, затемнит весь котлован. Да и тесно потом будет стены обставлять.

— Правда твоя! — согласился дед Михась. — А только и пословица есть: «В тесноте, да не в обиде». Это я вот к чему: в хозяйстве, когда есть какая-никакая крыша, она всегда сгодится на случай ненастья. Слов нет, лишних день-два придётся потерять с бригадой, если класть на тесноту, зато и выигрыш может обернуться для колхоза тысячами.

Клешинов только удивился, как это ему самому не пришла в голову такая простая и такая нужная мысль. А про старика подумал: «Хозяин! Золотая голова!»

Подозвав бригаду, он тут же разъяснил, что порядок работы придётся изменить и сроч-

но вкапывать остальные стойки, которые примут на себя тяжесть балок и крыши.

— Стены и отделку нутра оставим на потом, а первым делом начнём гнать крышу, — объявил дядя Андрей.

— Крышу? Ну и правильно! — обрадовался Гришка Князев. — А то копаемся, как кроты, а работы не видать. То ли дело крыша. Её разве что слепой не заметит...

— Тебе только б похвастаться, Князь! — перебил Егор. — Только чтоб все виде-

ли! А того голова не сварила, что под крышей станет темно, как у негра в брюхе. Как же там стены обставлять и стеллажи делать? Пока прокопаемся, дядя Филипп Соломин вон как обойдёт нас на своём тарантасе! Тебя послушать, так в хвосте плестись.

Клешнёв усмехнулся про себя и украдкой глянул на деда Михася. Ведь это его мысль гнать крышу.

Дед, забрав в кулак свою серебряную бороду, с любопытством поглядывал то на Гриш-

ку Князева, то на Егора. Ему нравилось, когда человек не молчит, а доказывает свой резон.

— Дельно! — похвалил он Егора. — Справедливо, что на показ работают одни хвастуны и такой работе цена грош. Ну, а сам-то ты для чего на комбайнера оглядываешься с опаской, как бы он тебя не обставил? Тоже напоказ?

— Зачем? — возразил Егор. — Чем раньше тут пошашим, тем скорее на уборке подсобим. Там наша бригада тоже не без надобности.

— Резонно! — одобрил дед. — Сдаюсь! — и поднял перед собой большие, тёмные от загара руки. — А теперь давай-ка глянем в самый корень. Скажи нам, Егор, для чего ты не трелёвке конец бревна выстругивал топором?

— Известно, чтоб Руслану полегче и чтоб лесной молодняк из земли не рвать.

— Так долго же. Пока обстругаешь, мог бы два бревна доставить, а ты — одно.

— Мало что долго, зато выгодно. Надо ж голову иметь...

— Во! — кивнул дед. — Голову — это уж бесспорно! А то получится, как у того медведя, который дуги гнул: скоро, да плохо. Припомни, как мы прошлым летом с обмолотом льна маялись и сколько понесли потерь. А будь у нас крыша — и горя бы не ведали.

До Егора дошло. Глаза его радостно округлились, рот растянулся в широчайшую улыбку.

— Верно! — хлопнул он себя по лбу. — Так вот для чего

крыша! Ваша, дедушка, истинная правда!

Теперь была полная ясность. На поляне запылал костёр — не чета тому, погасшему. Одна за другой начали низвергаться в котлован опалённые стойки и выстраиваться шеренгами у стен.

— Навались, соколики! — подбадривал Егор, орудуя лопатой и каблуками, успевая при этом ещё любоваться работой и продолжать свой нескончаемый разговор с Карасём:

— Ты вот не послушался меня, а через то несём на стройке большие потери. Или забыл, что такое есть энергия?

— Не забыл. Отвяжись!

— Энергия есть способность тела производить работу, — балагурил Егор. — Но если понаучному, так она ведь в это самое тело валится не с неба, а лишь переходит из другого предмета. Сперва была, к примеру, в сметане и с ней могла бы перейти в моё тело, а уж из него вот в эту лопату. Да ты нехстати пожмотничал, сметанку сам слопал, и получается, что Егор Костылёв работает на износ...

— Берегись! — крикнул сверху Одуванчик и швырнул в котлован длинную обтёсанную жердь. За ним Кирилл — вторую. Егор оглянулся и тут только сообразил, что он с Колькой вкопал последнюю стойку. Теперь предстояло приступить к обвязке. Подобрав конец жерди, он подтащил её в угол и крикнул наверх:

— Чем прибивать-то? Подавай гвозди!

ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ

Над котлованом склонился дядя Андрей. Прижмутив глаз, проверил линии стоек сперва с одной стороны, потом с другой.

— Ровненько стоят. Как гвардейцы! Правда, дядя Андрей? — поинтересовался Егор.

— Правда. Вот и настало время забить в наше плодохранилище первый гвоздь. Кому мы предоставим эту честь, хлопцы?

Егор молчком бросил жердь и отступил за Сашкину спину. По легкомыслию, он чуть не принял высокую честь на себя.

— Павлу Шумаеву! Кому же ещё! — заявил Сашка. — Заслужил человек!

— Правильно! — подхватили отовсюду. — Ещё как заслужил! Он ведь, считай, за всех: и с лопатой, когда надо, и с топором, и за десятника.

Дядя Андрей достал из кармана большой новый гвоздь, подал Одуванчику:

— Не красней, брат! Народу виднее, чем нам с тобой.

Зардевшийся Павлик взял гвоздь и, спустившись в котлован, поднял конец жерди, приложил к угловой стойке на уровне колена от земли.

— Годится так? Не низко? — оглянулся он на дядю Андрея.

— Годится. Забивай!

Чуть размахнувшись, Одуванчик первым ударом обуха лишь установил гвоздь. А со второго удара вогнал его по самую шляпку.

Тем временем Кирилл подтащил на край котлована тяжё-

лый инструментальный ящик дяди Андрея и начал швырять из него горстями гвозди. Их тут же подбирали, разносили к стенам, и за какие-нибудь полчаса врытые стойки были схвачены двумя деревянными поясами. Огромный котлован стал похож на боксёрский ринг.

Колька Карасёв давно приметил, что стойки вроде бы длинноваты: когда уберётся наваленная вокруг земля, они же будут торчать над котлованом. Хотел спросить, зачем такие длинные, да постеснялся. И вот теперь, когда дядя Андрей закрепил шнур на самой вершине угловой стойки и начал его разматывать, отходя, этот же вопрос пришёл в голову и остальным. Одуванчик прямо спросил:

— А зачем так высоко? Это ж придётся вокруг целый холм насыпать.

— Придётся, — ответил плотник. — Иначе будет потолок слишком низок. А углублять нельзя из-за грунтовых вод. Но холм — ещё не всё. Крыша-то должна размахнуться пошире котлована, правда? А как её размахнешь? Стропила ведь в землю не вкопаешь, их врубать надо. И остаётся нам укорачивать стойки через одну. Короткие пары поперечными балками схватим, а на длинные наденем продольную обвязку из брёвен. В неё-то, в обвязку, и врубим стропила. Крыша повиснет над холмом, как шляпка над грибом.

Строители посерьёзнили, сердито засопели носами. Им поначалу казалось всё проще, а

главное — скорее. Неунывающий Егор и тут выручил шуткой:

— А ты ещё сметаны пожалел, Карась разнесчастный! — хлопнул он Кольку по спине и обратился к артели: — Чего носы повесили? Москва и та начиналась с первого гвоздя. А у нас уж и первый вбит, и ещё добрая сотня. Самый пустяк остался: начать да кончить. А ну, не стой, соколики!

Закреплённый на угловой стойке шнур туго натянули вдоль всей шеренги столбов, и сразу стало видно, что Егоровы «гвардейцы» разного роста. Дядя Андрей, идя вдоль шнура с плотническим карандашом, сделал пометки. «Соколики», разбившись на пары, вскарабкались на верхний жердевой пояс с поперечными пилами, и одна за другой покатались в котлован срезанные вершины стоек.

ВИД СВЕРХУ

Всё шло заведённым порядком. День за днём стрекотал на Бородулинском поле комбайн Филиппа Соломина. День за днём Колька Карасёв утром, в обед и вечером аккуратно являлся на ферму, тщательно отмывал руки, надевал белый халат и, путаясь в длинных полах, шёл к коровам. Давно уж он не нуждался не только в Сашкиной помощи — Катю и ту гнал прочь.

Но всему бывает конец.

Обхватив коленями столб, придерживаясь левой рукой, чтоб не рухнуть вниз, Егор

Костылёв делал ножовкой разрезы под шип и напевал при этом вполголоса:

*У попа была собака,
он её любил...*

Когда опилил стойку с четырёх сторон, взял топор и начал скалывать подрезанные кромки, превращая круглую вершину в четырёхгранный шип. Меткости Егору не занимать. Тщательно целясь, он с каждого удара откалывал древесины ровно столько, сколько её подпилено, заботясь о том, чтобы на шип ушло не больше четырёх ударов. Первые три ему удалось, на зависть даже самому Одуванчику, а на четвёртом вышла промашка из-за комбайна. То всё жужжал, а тут затих. Как отрезало!

— Никак пошабашил? — крикнул Егор, вытягиваясь во весь рост и обшаривая глазами поле. — Ну да! Обскакал-таки нас на своём тарантасе дядя Филипп. Насовсем заглушил!

На Бородулинском поле лежали теперь лишь груды прожёванной комбайном и словно выплюнутой соломы. Наступившая тишина показалась такой непривычной и тягостной, что хоть уши затыкай.

И в тот же день — другая новость. Когда Колька Карасёв явился на вечернюю дойку, его, как обычно, встретила возле фермы Катя. В голубеньком своем выцветшем сарафанчике, в той же косынке, но какая-то словно другая — счастливая и сияющая.

— Вот безглазый! Смотри! — выкинула она вперёд

правую руку и начала быстро сжимать и разжимать кулак.

— В город смоталась! — догадался Колька. — На автобусе?

— На автобусе.

— А не больно?

— Нисколечко! Доктор велел пальцы разрабатывать. Так что тебе, Коля, с этой минуты полная отставка. Спасибо за помощь. Знаешь, как выручил меня...

— Вот так выручил! — мрачно усмехнулся Колька. — И не мне спасибо, а Сашке Зимину.

— И тебе и Саше. От меня и от мамы, понял? Да не стой ты, как приговорённый. Кто старое помянет, тому глаз вон! — протараторила Катя и убежала, тоненькая, лёгкая, как молодая рябинка.

Колька постоял ещё с минутой, вздохнул и поплёлся домой. Он уже привык и к дояркам, которых поначалу стеснялся, и к коровам, и к той мысли, что в жизни человек должен сам исправлять свои ошибки. Это ведь не в школе, где исправляет учитель.

Заметно подвинулось дело и на стройке. Давно ли тут была просто большая яма да разбросанные вокруг брёвна, жерди и плахи? Давно ли радовались первой врытой стойке и первому забитому гвоздю? И вот уже подкатили всей артелью приготовленную балку, в пять минут надели её продолблёнными гнёздами на шипы противоположных стоек, соединив края котлована. Сашка Зимин тут же взбежал на балку и, ударяя каблуками, как бы оса-

живая её своей тяжестью, прошествовал из конца в конец.

— Выдержала? — с ехидцей спросил Егор. — А я думал — переломится.

Особенно оживились строители, когда установили стропила. Теперь всем миром приколачивали жерди, поднимаясь по ним, как по лестнице, в надежде, что с высоты, с самого конька, они, быть может, увидят на дальнем поле комбайн дяди Филиппа, без которого стало как-то немо вокруг и неуютно.

Одуванчик следил, чтобы жерди ложились ровно, не горбились. Ведь на них же не железо класть, которое при нужде всегда можно натянуть гвоздём, а хрупкий, негнувшийся шифер. Сам дядя Андрей ходил к бригадиру хлопотать, чтоб выделил на обрешётку крыши досок или хоть горбылей, но безуспешно — вернулся ни с чем. Потому-то Одуванчик, уже не доверяя глазу, вооружился рейкой, которую поминутно прикладывал к прибитым жердям и вдоль, и поперёк, и наискось. Случалось, он велел выдернуть уже забитый гвоздь и подложить под жердь щепку или, наоборот, стесать её, или врубить в стропило, чтоб не выпирала.

Егор на Руслане уже подвозил из кладовой волнистые шиферные листы. Получал по счёту и придирчиво осматривал каждый, чтоб без трещинки, без отбитого уголка.

А Сашка с Карасём всё поднимались по склону будущей крыши, тщательно выбирая жерди и выстилая из них на

стропилах широкую лестницу. Первыми добрались они до конька.

— Чего там видать с верхо-туры? — поинтересовался Егор, придерживая Руслана.

— Москва видна! — пошутил Сашка, — Останкинская телевизионная башня...

— А комбайн?

— Комбайна не видать — низковат!

Дядя Андрей взял с воза лист шифера, уложил внизу на самый угол жердевого настила и, прицелившись, сделал на двух его гребнях карандашные пометки. Потом просверлил дрелью две дырочки и вынул из кармана несколько шиферных гвоздей с широкими шляпками.

— Доверяете прибить? — повернулся он к обступившей артели.

— Прибивайте!

Плотник на этот раз не воспользовался обухом топора, а приказал подать себе молоток. Придерживая лист, он лёгкими ударами вогнал гвозди. Шляпки накрыли дырочки, как зонтики.

— Тут важно соблюсти точную меру, — поделился дядя Андрей. — Вгонишь чуть лишку — и беспреренно расколешь, как стекло, а дашь слаbinу — опять негоже: будет гулять от ветра.

На верхнюю кромку прибитого листа наложили второй и опять просверлили дырочки. Снова над ними дядя Андрей установил два зонтика. Так и пошли кверху — лист на лист. Работа быстрая, красивая, но неопытной руке не подвласт-

ная. Даже сам Одуванчик в первом ряду не рискнул забить ни одного гвоздя. И лишь спустившись снова на землю, он наконец отважился: потребовал молоток и самолично начал второй ряд. Бил осторожно и долго, с придержкой, но листа не повредил.

НЕВИДИМЫЙ КОМПОЗИТОР

С высоты крыши видны все окрестные дороги. Машина ли катится или человек идёт — всё на глазах. Если далеко, то, понятно, не вдруг узнаешь, что за человек и чья машина.

— Во-он двое на великах пылят! — показывает пальцем Колька Карасёв, — Должно, бородулинские Борис и Стёпка из Рымок едут, с лесопилки.

Сашка прикладывает над глазами ладонь, щурится и качает головой:

— Не бородулинские. Это ж ветеринар, дядя Максим, на одном велике, а на другом... Никак в юбке кто-то... Хо! Сама вожатая Люся Куделина. Уж не сюда ли? Может, дело какое до нас или просто проведать?

Долго ещё пылят по дороге два велосипеда. Теперь уж и Колька Карасёв, и Одуванчик с Кириллом, и Васька, и Гришка Князев узнали Люсю, замали ей с высоты руками, радуясь, что вожатая застаёт их не бездельниками.

— Симфония! — смеётся Люся и, бросив велосипед, взбегаёт по жердям, как по лестнице. — Поглядели бы вы

на себя издали! На крышу и намёка нет. Кажется, будто невидимый композитор на деревянных линейках пишет симфонию, а вместо нотных знаков — мои добрые знакомые.

Усевшись на жердь, вожатая поболтала ногами, пригляделась к ребятам, отметив для

— Если по-честному, так без барабана живём. Вот и суди.

— Вот и неправда! — в тон ему ответила Люся Куделина. — Ваш барабан за версту слышать. А что не палочками барабаните, а топорами да молотками, так ведь эта дробь то-

себя их бодрый, здоровый вид и притаившуюся в каждом глазе гордость за свои дела. Мол, не в гамаках застала, хоть и каникулы!

— Ну как вы тут? По-пионерски или как?

Сашка сощурил глаза, ответил за всех,

же пионерская. Звеньевой-то у вас есть?

Строители молча переглянулись.

— Одуванчик за звеньёвого, — сказал Сашка.

— Кто это? — не поняла вожатая.

— Ну, Павлик Шумаев. Это такое прозвище. Красивое, правда?

— Красивое. А имя ещё красивее, — улыбнулась Люся. — Так за какие же доблести вы Павлушу возвели на такую высокую должность? Он, кажется, не из тех, которые сами просятся...

— Он же собаку съел! — выпалил опоздавший к началу разговора Егор и тут же поправился: — Ну не всамделишную собаку, а так говорится. Одуванчик в строительном деле первая голова! Спроси хоть у дяди Андрея или у самого деда Михася.

Посмеялись, пошутили. Люся, оказывается, откуда-то прослышала о Карасёвых автомобильных неприятностях.

— Как там на ферме? — спросила она. — Не обижали тебя доярки, Коля?

Карась покраснел и нырнул за Сашкину спину.

Вожатая осмотрела всё снаряжение. Спустилась в сопровождении Одуванчика в котлован, сделала попытку пошатать врытые в землю стойки, даже прошлась по балке, отлично сохраняя равновесие. А напоследок пожелала собственноручно забить шиферный гвоздь.

Помявшись, Павлик разрешил. Что ему ещё оставалось делать? Сам же и дырочку просверлил в листе и молоток подал, и гвоздь. Но как увидел в деле неумелые Люсины руки, глаза сами зажмурились: «Будь что будет!»

Выручил Сашка. Сохраняя хладнокровие, он держал во-

жатую под прицелом и в нужный момент скомандовал:

— Стоп!

— Так не до конца же! — удивилась Люся. — Ещё почти миллиметр в запасе...

— Это на мороз, — схитрил Сашка. — Гвоздь-то железный! От холода сожмётся и будет в самый раз. Или забыла физику?

— Верно! Как же это я? Ну, пойдём, физик. Проводишь меня маленько.

Когда они отошли, Одуванчик взял молоток, аккуратно дослал на место недобитый Люсин гвоздь, а сам с досадой подумал: «Не успел я Сашку предупредить... Как бы он про Карася чего лишнего Люсе не сказал. Парень же стал — не надо лучше».

УГРОЗА РОДИТЕЛЬСКОМУ АВТОРИТЕТУ

Но не такой Сашка человек, чтобы ябедничать на товарища. Да и вожатая повела разговор совсем о другом.

— Вы же кучу денег заработали, правда? — спросила она.

— Разве мы из-за денег? — нахмурился Сашка.

— Знаю! Но ведь заработали?

— Заработали.

— А как решили истратить? На конфетах проесть?

— Зачем на конфетах? — усмехнулся Сашка. — Я, к примеру, мамке отдам. Купит чего хоть себе, хоть мне.

— Это ты, а другие?

— А у других сама спроси. Только не думай, что один я такой умный. У нас все не дураки.

На этом разговор и кончился. Вожатая укатила на своём велосипеде, а Сашка повернул обратно.

Пока шёл, пораскинул умом и понял, что, пожалуй, не зря Люся заговорила про деньги. Заработаны-то они сообща, на хорошем и нужном деле. А тратить будет каждый сам по себе. И ещё сумеет ли? Другой так истратит, что обхохочётся.

Когда пошабашили и стайкой зашагали домой, Сашка дёрнул Егора за рукав, спросил:

— Вот закончим стройку, огребём денежки, а что на них покупать? Ты как считаешь?

— Часы! — отрубил Егор. — Беспременно чтоб циферблат лысый, без единой цифирки, а секундная стрелка длинная, по самый ободок...

— Для форсу? — съязвил Гришка Князев. — Тебе бы лишь покрасоваться. А по мне так лучше гармошку. Вот только денег, пожалуй, не хватит...

— Сказал! На ней же ещё сперва учиться, на гармошке, — вклинился в спор Васька. — То ли дело транзистор! Ты сидишь, к примеру, на рыбалке. Ключёт, не ключёт — плевать! Всё равно не скучно. Тут тебе и готовая музыка, и последние известия, и сам Райкин всякие истории рассказывает. Верно, Зима?

— Неверно!

— Почему?

— Мелковато пашете, — назидательно сказал Сашка. — Гармошка, транзистор или часы, они, понятно, не для одной красоты, но рядом с настоящей вещью — сущее барахло. Всё равно, что погремушки или сладенькие леденцы. Раз уж мы заработали сообща, то и вещь должна быть одна на всех. Согласны?

— Одна? — усомнился Егор. — А вдруг мне не понравится?

— Во как понравится! — провёл Сашка ребром ладони по горлу. — Не иметь такой вещи — всё равно, что вернуться в каменный век, в звериную шкуру. Всё равно, что возить на себе воду из речки...

— Мотонасос? — мгновенно догадался Колька Карасёв.

— Точно! А разве плохая вещь?

Вещь хорошая. Позарез нужная. Кому же охота таскать воду на себе, когда можно запрячь в эту работу мотор?

Но неожиданно Сашкина идея натолкнулась на глухую стену сопротивления.

Первой восстала тётка Матрёна Костылёва.

— Уже решили? — грозно спросила она Егора.

— Единогласно! Всей артелью.

— А кто вы такие? Если сами решаете, то что ж тогда остаётся нам, матерям? Стирать да стряпать? Заруби себе, что пока ещё я тут решаю, — отрезала тётка Матрёна и повернулась спиной.

Егор не посмел возражать, а про себя подумал: «Как же мне теперь строителям на глаза показаться?»

И не один он об этом подумал. Матери, как сговорились: нет и нет! Напрочь отвергли идею покупки насоса, почуяв в этой ребячьей затее угрозу своему родительскому авторитету.

УЩИПНИТЕ МЕНЯ!

Лишь в семействе Карасёвых было иначе. Колька не стал рисковать и решил дожидаться с работы отца. Ему-то и рассказал за ужином об артельном решении.

— Не к лицу нам зависеть от погоды, — солидно заявил Колька. — Теперь ведь не каменный век.

— Не к лицу! — согласился Пётр Карасёв. — Но и кота запрягать в оглобли тоже не к лицу.

— Какого кота?

— А вот какого. Насос, на который вы нацелились, рассчитан всего лишь на одного какого-нибудь дачевладельца. Ему, брат, деревенские огороды не полить.

— Как это не полить? — не поверил Колька.

— Очень просто. Не та мощность. Всё равно, что кот в оглоблях.

— Правда?

— Истинная правда, сынок!

Колька потерял всякий интерес к ужину. Положил ложку, нахмурился. Мало ему прежних неприятностей, так предстоит ещё расхатыть общую

артельную задумку! И это теперь, когда дела наладились, когда Колька наконец-то встал вровень со всеми.

— А ты не горюй, сынок! — неожиданно подмигнул отец. — Будет вам насос. Истинный богатырь!

— Откуда?

— У нас на задах мастерской среди хлама с незапамятных времён пожарная мотопомпа ржавеет. Совсем из головы вон! К ней же только руки приложить и будет как новенькая.

— Правда? А ты приложишь?

— Зачем же я? Восстанавливать будем всей артелью. Зимой-то вечера длинные.

— Папка-а! — заорал ликующий Колька и кинулся к отцу обниматься.

В эту ночь он спал тревожно. Хотелось поскорее принести в артель оглушительную новость о том, что насос всё-таки будет. Можно сказать, уже есть — осталось лишь руки приложить! Так это же куда интереснее, чем покупать готовый. А деньги, выходит, так и остаются! Какую же вещь теперь на них покупать? Чтоб не часы и не гармонь, а одну на всех? Колька вертелся вьюном в постели, пока его не осенило под утро. А когда осенило, сразу заснул как убитый, даже на работу маленько опоздал.

Приходит, а все уже в сборе. Хмурые и злые, как после драки.

— Ты что сияешь, Карась? — прижмурил колючие глаза Сашка. — Никакого насоса не будет, понял?

— Будет!

— Вот балбес! Ему про Фому, а он про Ерёму... Сглупили мы, не с того конца зашли. Мамки повзъедались, будто это не насос, а жгучая крапива. И слушать не хотят, чтоб купить.

— А зачем же покупать? Самы сделаем! — приосанился Колька. — Я уж и с батюшкой договорился. Он присмотрел там у себя старую пожарную мотопомпу. К ней только руки приложить. Зимние вечера долгие — в самый раз поработать.

— Ущипните меня! — воскликнул Сашка, разглядывая Караса, как ниспосланное небом чудо.

— Качать его! — спохватился Егор и первым облапил за плечи.

Артель, как по команде, сжалась в тесную кучу и начала подбрасывать над собой взъерошенного Кольку, не обращая внимания на его протесты.

— Да подождите вы! Вот чумовые! Я ж ещё не всё рассказал...

— Как не всё? — насторожился Егор, ставя Кольку на ноги.

— А вот так! Раз насос не покупаем, значит, денежки остаются. Куда же их?

Застигнутый врасплох Сашка только крикнул. Егор в недоумении наморщил лоб. Одуванчик вопросительно вскинул тёмные брови.

— Не знаете?

— Не знаем! — честно признался Сашка. — Когда ж было обмозговать?

— Айда поближе! — командовал Карась. — Дело секретнейшее! — перешёл он на шёпот. — Дядя-то Андрей ещё не выплатил, правда?..

— Правда-а! — на лету поймал Сашка Колькину мысль и сверкнул глазами. — В самую точку! Против такого дела уж ни одна живая душа не заикнётся. Только молчок! Мамкам потихоньку скажете, а больше никому. Чтоб ни в школе — нигде! А с бухгалтером я сам договарюсь в правлении. Если понадобится заявление или что, так мы всей артелью. Верно?

— Ну, конечно! Какой может быть разговор?

БАРОМЕТР ДЕДА МИХАСЯ

В самый разгар страды дед Михась подкараулил на дороге бригадира и заставил слезть с велосипеда.

— Слышь, Митрофан, прикажи, чтоб завтра с утра непременно был трактор лён молотить.

— Лён? Постоит в бабочках, ничего ему не сделается. Или барометр показывает на ненастье? — спохватился вдруг бригадир.

— Показывает, окаанный! — кивнул дед, потирая ноющую поясницу. — Погоды осталось от силы дня на два, верь слову.

Занятый выше головы, озабоченный дядя Митрофан страдальчески поморщился, закрихтел, доставая кисет.

— Трактор — куда ни шло. А где я людей возьму лён молотить?

— Не надо людей. Дай трактор и молотилку.

Догадливый бригадир даже закуривать не стал. Вскочил

на свой велосипед и уж пстом оглянувшись, крикнул:

— Прикажу, дедушка. Будет вам трактор!

И приказал. Наутро строительная бригада разделилась на две неравные части. Дядя Андрей и Одуванчик с Кириллом начали класть под готовой крышей жердевой настил, а все остальные укатили на тракторном прицепе в поле вместе с льномолотилкой, сложенными в стопки порожними мешками, брезентами и нехитрым инвентарём — граблями да мётлами.

Приехали сердитые, разобитые. Кому же понравится, если тебя перебрасывают, как мячик, с одной работы на другую. Но дулись недолго. Когда завертелась молотилка и над полем поплыл гул, тут только поспевай работать, а про всё остальное забудь.

Егор зачерпнул из-под машины горсть скользкого льняного семени, деловито провеял, переливая из ладони в ладонь этот тоненький шоколадного цвета ручеек, наконец вылил себе в рот и начал жевать.

— Ну как? — поинтересовался Васька.

Егор осторожно проглотил вязкую маслянистую слюну, выплюнул жмых и лишь после этого вынес приговор:

— Подходящее семя! Должно, имеет высокий процент жирности. Не иначе, колхоз за него хорошую цену возьмёт.

К обеду ни молотилки, ни трактора уже не было видно из-за наваленной вокруг зелено-коричневой льняной соломы. Опираясь друг на дружку, тесной кучей стояли пуза-

тые мешки, полные обмолоченного семени. А вокруг простиралось чистое поле. И лишь вдалеке виднелись ещё невысокие тёмные холмики головастых льняных снопок.

Тракторист хотел уж было перетащить туда молотилку, чтоб подручным было ближе носить, да не успел. Подкативший на самосвале Васькин отец передал строгий наказ бригадира бросать молотьбу, а необмолоченный лён спешным порядком возить на тракторном прицепе под новую крышу.

— А куда торопиться? — удивился Васька. — Кажется, не горит...

— Горит! — возразил отец и показал в сторону Бородулина.

По-над лесом, чуть не касаясь вершин, медленно разворачивала два широких крыла тёмная туча. Не посчиталась с «барометром» деда Михася, пришла до срока.

В этот день пошабашили уже затемно. И хоть вымотались, зато перевезли лён до последнего снопка. Сухой, как порох, лежал он на разостланных по жердям брезентах под новенькой крышей и дожидался своего часа. А взопревший от спешки Егор напоследок вытер подолом рубахи свое широкое лицо и зычно провозгласил:

— Не ждать же милостей от природы! Верно, соколики?

Заненастило, похолодало. Дядя Филипп Соломин косил комбайном яровую пшеницу и, кляня погоду, не молотил, а клал в валки. Бригадир дядя Митрофан, морщась, как от зубной боли, поглядывал на

небо, сокрушённо разводил руками, и сетовал колхозникам:

— Прорастёт! На глазах сгибнет пшеничка. И нужен-то всего день погоды.

Деда Михася он теперь старательно избегал, — боялся узнать неутешительные показания его «барометра». А дед и сам хоронился от бригадира, — понимал, что нечего лезть на глаза с плохими вестями.

Зато строителей теперь никто не тревожил. Они уж и котлован обставили осиновыми плахами, и стеллажи возвели внутри, даже вывели сквозь жердевой потолок четыре душника, чтоб яблоки могли «дышать». Дядя Андрей самослично навесил с лобовой стороны плотно сшитую дверь из толстых сфугованных досок, а Одуванчик с Кириллом приладили наклонную лесенку в шесть широких ступеней: спускайся, колхозный кладовщик, и вешай замок! Осталось лишь фронтоны зашить.

Дед Михась до поры до времени хмурился, кряхтел и помалкивал. Ходил в валенках с калошами, в полушубке и зимнем треухе. Но вот по деревне разнеслось: переобулся в кирзовые сапоги! Тут уж бригадир не выдержал, прибежал:

— Не томи душу, дедушка! Обнадёжь или уж руби под корень...

— И обнадёжу! — приосанился дед. — Завтра жди погоды!

— Завтра? А на сколько её хватит?

Старый Михась даже вспылil:

— Ты, Митрофан, чисто малое дитя. Вынь ему да положи погоду! И чтоб надолго. Будто она у меня за пазухой... Должно, постоит теперь, — сочувственно глянул он на бригадир, смягчаясь. — А пшеничка, считай, вытерпела, не просла!

ЧЕСТЬ С НЕБА НЕ ВАЛИТСЯ

На следующее утро дядю Митрофана было не узнать. Гладко выбритый, в наглаженной розовой рубашке, привет-

ливый и ласковый, он колесил на своём велосипеде, сияя, как ясный месяц. Не поленился завернуть и на строительство. С дядей Андреем и Одуванчиком поздоровался за руку, остальным кивнул, вежливо дотронувшись до козырька.

К этому времени один фронтон уже был зашит. В нём красовалась отлично пригнанная двустворчатая дверь. А в другом, над лесенкой, ещё чернел под крышей незащитый угол. Но Егор с Васькой одну за другой ставили уже подогнанные братьями Шумаевыми доски и прибивали в два топора.

Чёрный треугольник на глазах сжимался.

— Завершаете? — спросил бригадир больше для порядка, потому что всё сделанное было на виду.

— Так получается, — ответил дядя Андрей, явно любуясь возведённым сооружением. — Остаётся лишь земляная засыпка... Стой! — крикнул он, заметив, что Егор с Васькой уже закрыли чёрный треугольничек пустоты светлым досчатым треугольничком. — Последний гвоздь, ребята!

— Последний? — удивился Егор. — Самый самый последний?

— Самый-самый! — улыбнулся дядя Андрей, сожалея в душе, что работа окончена и ему предстоит расставаться с этой шумной, работающей и развесёлой компанией. — На стройке завсегда так: первый гвоздь и последний гвоздь...

— Карасю забивать, Кольке! — негромко посоветовал Гришка Князев.

— Пр-равильно! — подтвердили хором мальчишки, загадочно оглядываясь друг на дружку.

— Доверяем Николаю Карасёву! — официально заявил Сашка Зимин. — Ему эта честь не с неба свалилась.

Дядя Андрей, конечно, слышал о прежних карасёвых неприятностях и потому приглядывался к нему на стройке. Но ничего плохого не заметил: сообразительный парнишка, старательный! И ничего в том нет удивительного, что товарищи оценили его заслуги.

— Забивай, Коля! Кончай

плотницкую работу! — подбодрил дядя Андрей растерявшегося Карася.

Колька, не чуя ног, прошагал под крышу, в самый угол, для верности присел на колени, установил гвоздь и оглянулся. Все смотрели на него с одобрением.

Бах! Бах! Бах!

И когда дело было сделано, бригадир похвалил:

— Молодчина! Редкий человек забьёт и не согнёт гвоздя, когда на него нацелилось столько глаз. Ну, а за что всё-таки тебе такая честь, Николай?

Колька покраснел, потупился. И сразу на выручку подоспел Сашка:

— Он же мыслитель! Работает за одного себя, а соображает за всех.

Ни бригадир, ни дядя Андрей не уловили тонкого Сашкиного намёка. Зато мальчишки разом заулыбались.

Выждав тишины, Егор спросил:

— Завтра к обеду кончим засыпку, а дальше куда нас, дядя Митрофан?

— А дальше никуда. Или забыл, что через неделю сентябрь? Теперь, брат, осталось пожарче бани топить, да веников не жалеть, да отмываться до хрусткого скрипа. И стричься, — сурово поднял палец бригадир. — К сентябрю мне чтоб были как новенькие!

СЛЕД В СЛЕД

В первое утро сентября собрались возле бригадировой избы, как на сход. Колхозни-

кам били в глаза солнечные зайчики, отражаемые козырьками форменных фуражек, начищенными бляхами лакированных ремней, хромированными ободьями велосипедов и портфельных замков. Шёлковые галстуки, шёлковые ленты в косах девочек пылали огненными маками. Матери ревниво оглядывали своих первашей, поправляя на мальчишках картузы, а на девочках — белые переднички и банты. Женька Солдатов сгорал от зависти. Колобком крутился он в толпе, норовя потоптать босыми пятками новенькие, первый раз надетые туфли сестрёнки Лены. Выставив портфель, она молча перебирала ногами, отбиваясь от баловника, а огромный белый бант на её макушке порхал при этом, как мотылёк. Дед Михась в своей праздничной фуражке стоял чуть в отдалении с бригадиром и хромым Лавреном, но, заметив беспорядок, тотчас выловил Женьку, крепко взял за руку.

Егор Костылёв в отутюженных негнущихся штанах, в новеньком шёлковом галстуке и фуражке, надетой чуть бочком на правое ухо, похаживал с Колькой Карасёвым, озабоченно поглядывая то на первашей, которых старшим предстояло разобрать по своим велосипедам, то на бригадира.

— Стройся! — подал команду дядя Митрофан.

Матери раздались в стороны, и школьники начали выравнивать велосипеды в два ряда. Сашка с Васькой заняли места в голове колонны. За ними — Егор с Колькой, Катя Перепелицина с Надей, Одуванчик с братом...

— Приготовиться!

По этой команде Сашка подхватил Лену Солдатову, посадил на раму, а Васька — чернявенького, потерявшего накануне передний зуб Ромку Хомотова.

— В добрый час! Пятёрок вам, ребята!

Стрельнули дымком моторные головные велосипеды, скрипнули педали задних, и колонна медленно тронулась в путь, растягиваясь по деревенской улице.

Ветром забросило назад жиденькие косички уцепившейся за руль Анюты Гребешковой, и они защекотали вплетёнными лентами Колькины щёки. Но Колька терпит. Одним глазом целит на Сашкин передний велосипед, чтоб идти след в след, а другим косит на расступившихся шпалерами колхозников. Вот стоит высокий и прямой, выдубленный ветром и солнцем древний дед Михась. Крепко держит за руку маленького Женьку Солдатову и о чём-то думает. Женька тоже посерьезнел, задумался.

О чём они задумались в это первое утро сентября?

Вольт СУСЛОВ

Рисунок Ю. Бочкарёва

Триста восемьдесят тысяч двести двадцать комаров

Над рекою у горы
Жили-были комары.
На вечерней перекличке
Собирались у кустов
Триста восемьдесят тысяч двести двадцать
комаров!

В это место, как назло,
Нас в походе принесло.
Не успела вспыхнуть спичка,
Как слетелись — будь здоров! —
Триста восемьдесят тысяч двести двадцать
комаров!

Мы не ныли: «Чур-чура...»
Мы — в атаку — и ура!
Всем отрядом в грозной стычке
Давим полчища врагов:
Триста восемьдесят тысяч двести двадцать
комаров!

Мы сказали: «Победим!»
Мы дымку сейчас дадим.
Затрещали ветки, слышим —
Запищали у костра
Триста восемьдесят тысяч сто чегыре комара!

Всем отрядом до зари
Мы считали волдыри.
А внизу, в болоте рыжем
Ныли-выли до утра
Двести восемьдесят тысяч пять десятых комара!..

Ещё утром Дима Волосов мог подойти к Ерёмину просто так и сказать:

— Ерёма, пошли, у забора постоим.

Сказать это вечером стало уже невозможно.

Всё началось с одинаковых рубашек. В автобусе, когда всех везли в лагерь, Дима удивился, что у них с Ерёминым одинаковые цветастые рубашки. Он Ерёмина видел тогда первый раз в жизни, но пионервожатый им сказал:

— А вы, братья-близнецы, конечно в одну палату?

Так их постели оказались рядом.

Особенно они не дружили, не как некоторые: и в столовую вместе и в кино — вместе. Иногда Дима Волосов и Ерёмин играли в общие игры, а иногда не виделись с полдника до ужина, и ничего — не переживали.

Скоро на соревнованиях Дима занял первое место. Он быстрее всех в своём отряде бегал сто метров, дальше всех прыгал в длину и кидал гранату. А когда однажды волейбольный мяч залетел на кры-

шу дачи, Дима прошёл за ним по тёплому покатуному железу, ни за что не держась, и сразу стал знаменитым на весь лагерь.

А Ерёмин был обыкновенным, с ним никто не дрался, только звали его не по имени, а Ерёмой, но он не злился, даже откликался сразу.

Ерёмин хорошо лазал по деревьям. И они с Димой как раз в этот день собрались устроить соревнование — кто быстрее залезет на высокую ель в дальнем углу территории. Дима собирался даже попросить у вожатого секундомер.

После полдника вместе с другим своим приятелем, Сашей Грищенко, Дима пошёл за клубникой. За леском, недалеко от их лагеря, была биостанция. Там, на биостанции, на опытном участке росла клубника. Так уверял Саша Грищенко. Он даже знал место, где у забора отодвигались доски. Грищенко несколько дней уговаривал слезать туда за клубникой.

— Я только тебя зову, — говорил Грищенко, — потому что ты смелый.

После полдника они проследили, чтобы за ними никто не смотрел,

перелезли через лагерный заборчик и короткими перебежками, точно так, как учились на военной игре, пересекли лесок.

Грищенко не хвастал — он сразу подвёл к тем двум раздвигающимся доскам, и они очутились на биостанции.

Дима было страшно и радостно. В первую минуту он даже забыл, зачем они сюда влезли. Но Грищенко потянул его вправо.

— Туда, туда! — говорил он тихим, громким шёпотом.

Где-то недалеко скрипел колодец — доставали ведро с водой, в ближнем доме мяукала кошка, наверно её заперли одну. А они с Грищенко пробирались мимо широких гряд с рассадой. Около листьев рассады стояли колышки с надписями, и Дима всё нагибался, чтобы прочитать хоть одну надпись, но Грищенко подталкивал его вперёд.

До клубники они так и не дошли.

Они вышли из-за куста и натолкнулись на старика, который стоял к ним задом. Нагнувшись, старик рыхлил землю большой деревянной вилкой. На брюках и на рубахе у старика были разноцветные заплатки.

Дима чуть не упал на него, едва успел остановиться.

Старик распрямился, не торопясь, и оглянулся.

Грищенко уже бежал прямо по грядкам к забору.

Дима и старик секунду посмотрели друг на друга, потом лицо у старика странно дёрнулось, как будто его обидели, он протянул руку, чтобы схватить Диму, и Дима побежал. Почему-то он побежал не сразу назад, а сначала вбок от старика, по всем грядкам, ступая в мягкую землю, давя рассаду и колышки.

Старик бежал за ним по узким канавкам между гряд, что-то кричал, а Дима метался от забора к кустам, пока не увидел руку Грищенко, раздвигавшего доски, и злое его лицо.

Дима успел подскочить к дыре быстрее старика, успел пролезть, потом они с Грищенко бежали через лесок, уже не перебежками, а просто так, натыкаясь на низкие ёлки и толстые пни. За ними никто не гнался, но они всё равно бежали, перелезли через лагерный забор и спрятались за кухней.

Там они отсиделись, отдышались, и Дима увидел, что рукав его цветастой рубашки здорово разорван.

Выходить из-за кухни не хотелось, но Грищенко успокаивал:

— Откуда он знает, кто мы. Может мы — дачники.

Дима сходил в кладовку, открыл свой чемоданчик и надел другую рубашку. Он надел синюю, ещё позапрошлогоднюю.

Потом их приняли играть в прятки, и Дима вовсе забыл о старике.

А после ужина неожиданно весь лагерь построили на линейку.

И тут Дима увидел того самого старика. Теперь старик был уже не в заплатанных штанах, а в военной одежде, только без погон. Он стоял рядом с трибуной, и Диме показалось, что старик смотрит на него.

«Узнал! — подумал Дима. — Ну и попадёт нам!»

— Два пионера из нашего лагеря совершили тяжёлый проступок. Если у них есть смелость, пусть они выйдут из строя и сами во всём сознаются, — объявил начальник лагеря.

— Где? Когда? Что они сделали? — начали спрашивать ребята друг у друга.

Дима молчал. Ему было страшно, он старался не глядеть на старика, но глаза невольно возвращались к трибуне.

Близко стоял Ерёмин, в точно такой же цветастой рубашке, какая была и у Димы.

Ерёмин спросил Диму:

— Из нашего они отряда или из другого?

— Наверно из первого, — сказал Грищенко и притворно зевнул.

Начальник лагеря помолчал, перегнулся с трибуны к старику, спросил его о чём-то и громко заговорил:

— Эти пионеры, мне их даже не хочется называть пионерами, за пять минут растоптали труд многих людей. Они уничтожили рассаду ценных растений.

— Да что тут говорить, — сказал старик, — вон он, один, я его сразу узнал.

И старик пошел к Диминому отряду.

Дима понял, что старик сейчас подойдёт к нему и выведет его из строя перед всем лагерем.

Старик медленно шёл прямо к

Диме. Дима глядел на него, замерев, и уже дёрнулся, чтобы самому шагнуть навстречу, но старик, не дойдя нескольких шагов, внезапно остановился около Ерёмина.

— Я его сразу по рубашке узнал, — сказал старик, — шаг вперёд, проходимец!

Ерёмин продолжал стоять в строю, и тогда старик схватил его за руку и, упирающегося, вытащил на середину.

В первую секунду Диме стало легко, ему вдруг захотелось засмеяться, он даже сказал что-то такое весёлое, чего сам не понял, а потом он почувствовал, как у него трясутся ноги и руки.

Всех распустили, а Ерёмина увели в кабинет начальника.

Дима несколько раз проходил мимо кабинета, поднимал голову к открытой форточке. Окно было завешено, но Дима слышал громкие голоса взрослых. Потом он услышал Ерёмина.

— Не я это! Не я! — говорил Ерёмин с отчаянием. — Откуда я знаю кто!

«Поспрашивают, поверят, что не он, и отпустят», — подумал Дима.

Он пошёл на другой конец территории, к той высокой ели, на которую собирался как раз сегодня с Ерёминым слазать. Там бродил Грищенко, и они сразу разошлись друг с другом в разные стороны.

Часа через полтора лагерь снова собрался, на вечерний спуск флага.

Ерёмина в отряде не было. Начальник лагеря поставил его сбоку от трибуны, и он стоял там один на голой земле.

— Приказ по лагерю! — объявил начальник лагеря. — Пионера третьего отряда Ерёмина за тяжкое нарушение дисциплины, за нежелание признаться и раскаяться в своем проступке исключить из лагеря. О его поведении сообщить в школу.

Начальник лагеря нагнулся к Ерёмину, словно хотел сказать ещё что-то тихо, специально для него. И Ерёмин вдруг заплакал. Он стоял там, сбоку от трибуны, один, за-

крыв лицо руками, и плакал. Потом он повернулся и побежал к дачам.

Дима не заметил, как спустили с высокой мачты флаг, не слышал горна и барабана. Диме казалось, что все смотрят ему в спину.

После линейки, когда все разошлись, чтобы готовиться ко сну, он оказался рядом с Грищенко.

— Пойдём к начальнику, скажем, а? — тихо спросил он Грищенко.

— Только дурак признается, — ответил Грищенко. — Ерёмину — что, у него бабка в деревне, он туда и поедет. А меня мать куда денет, если выгонят? Она сейчас в две смены работает.

«И меня тоже некуда, если б выгнали», — подумал Димка, и ему как будто бы стало легче.

Дима пошёл в палатку. Ерёмин был уже там.

— Ерёма, ты попроси, может оставят? — советовали ребята.

— Это, правда, ты был? — спрашивали другие.

Ерёмин им не отвечал. Он лежал на кровати прямо в одежде, отвернувшись к стене.

Все уже помыли ноги, разделись, накрылись одеялами. Он по-прежнему лежал в брюках и в цветастой рубашке.

Пионервожатый заглянул в палату, тяжело вздохнул и сразу вышел.

Дима лежал близко от Ерёмина. Он смотрел в затылок Ерёмину, лежал без мыслей и молчал.

— Димка, ты правда ходил за мячом по крыше и не держался? — спросили его.

— Сами видели! — ответили вместо Димы. — Идёт и не держится. Он ничего не боится!

«А может просто топугали, — подумал Дима про Ерёмина, — может утром всё и отменят».

Эта мысль его успокоила, и он заснул.

Утром за завтраком Ерёмин сидел с краю стола, отдельно от всех, и ни с кем не разговаривал.

Потом к нему подошёл пионервожатый. Пионервожатый уже переоделся в серый городской костюм, чтобы ехать в город.

Дима стоял у каютки, когда они прошли мимо — Ерёмин и пионервожатый.

«Теперь уж поздно, всё равно ничего не изменишь», — подумал Дима.

Ерёмин нёс облезлый чемоданчик, он шёл, глядя под ноги. Он так ни с кем и не попрощался. Отойдя от лагеря шагов на двадцать, он вдруг оглянулся и как-то по-особенному взглянул на Диму.

А может быть, это Диме просто показалось.

В конце смены на торжественной линейке Диме выдали почётную грамоту за достигнутые им спортивные успехи.

Дима вёз грамоту домой, осторожно свернув её в рулончик, боясь помять.

О Ерёмине он уже стал забывать. И когда месяца через два увидел его в городе, то даже заулыбался и пошёл к нему здороваться.

Ерёмин тоже увидел Диму и перешёл на другую сторону.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

СНЕГ КРУЖИЛСЯ в свете уличного фонаря, мерцал зелёными звёздочками на оконных стёклах.

— Сделаешь уроки — почитай что-нибудь, — сказала Сергею мать, поправляя меховую шапочку перед зеркалом.

— И вообще займись каким-нибудь делом. Не маленький уже, — сказал отец, закуривая на дорогу.

Родители ушли в кино, и Сергей остался один. Он побродил по комнате, постоял у стола с тетрадками. Сесть заниматься? Рано ещё. Уроки успеют.

Ноги сами привели к телефонному столику.

Позвонить, что ли? Просто так, не глядя. Накрутить какой попало номер? Что-нибудь да получится, наверно. А что? Идея!

Сергей зажмурился и стал набирать цифры. Шесть раз крутанул диск, стал ждать. От нетерпения чесалось в носу и в затылке. Сергей ёрзал на стуле. Вдруг загудело. «Ага. Ловко сработало. Вдруг к Герою Советского Союза попал? Познакомлюсь с Героем. Вся школа завидовать будет». Долго не отвечали. Но вот в трубке щёлкнуло. Сергей даже вздрогнул.

— Алло? — спросил тоненький голосок.

«Никак девчонка?»

Голосок повторил:

— Алло, алло! Кто это?

— Алло-алло... — смутившись буркнул Сергей. — Кто? Я это...

— Ты? — удивился тоненький голосок. — Ах, это ты, Лёха? Это я, Дима. Здорово! Наконец-то ты позвонил.

— Ты — Дима? — растерялся Сергей. — Ну, здорово... «Мальчишка какой-то, Димка. Чудеса. Что мне с ним делать?»

А голосок Димы продолжал:

— Да, я Дима. А ты — Лёха? Почему твой голос не похож на твой голос?

— А? — спросил Сергей. — Не похож? — он не знал, что говорить, и лихорадочно думал: «Парень вообразил, что я какой-то Лёха, видно, его приятель. Ну и что? Пусть. Повеселимся. Пускай воображает, что я Лёха». Обрадовавшись, Сергей ответил:

— Конечно, я Лёха. Как же ты меня не узнал, чудило? У меня голос ломается, может, и вправду не узнать.

— Ломается голос? — удивился Дима. — Вот счастливчик! У меня не ломается. Почему, Лёха?

— Потому что потому, а кончается на «у». Голоса ломаются только у настоящих мужчин. Понял, Димаха? Вот. — Сергей издевался над незнакомцем и хихикал в рукав. Тот помолчал, потом спросил:

— А с чего ты меня стал «Димахой» звать? Раньше Диком звал...

— Так просто, — выкручивался Сергей. — Дик — надоело.

— Вот чудак! — сказал Дима. — А почему ты, Лёха, давно не звонил мне? — Вопрос застал Сергея врасплох, и он, не подумав, ляпнул:

— Как же я тебе позвоню, если номера телефона не знаю!

— Что? — удивился Дима. — Ты моего телефона не знаешь? Как же ты раньше, да и сейчас позвонил мне? Ты что, ненормальный? Что с тобой?

— Сергей слушал, теребя на затылке волосы. Собравшись с мыслями, он ответил:

— Эх ты, шуток не понимаешь. Не звонил — значит не мог. Мы переезжали на другую квартиру, в новый дом. Теперь у нас семь комнат, и у меня свой кабинет и в нем ванна. Весь день купаться можно. Учусь на спине плавать и не дышать под водой. Ясно? — и он снова зачихикал в рукав.

— Вы переехали? Но ведь вы недавно только в новый дом переезжали. И у тебя свой кабинет и ванна? Ты не врешь, Лёха?

— Там жить надоело — вот и переехали. А чего мне врать? Не веришь — не надо.

Дима, немного помолчав, ответил:

— Странно... Но я поверю тебе, Лёха... А у нас только две комнаты и ванна на всех одна. И я плавать не умею.

— Эх, бедняга, — сказал Сергей. — Приходи, у меня будешь учиться плавать и не дышать под водой.

— Не могу я к тебе прийти. Долго-долго не приду.

— Как хочешь. Когда утонешь, пожалеешь, что ко мне не приходил.

— Злой ты стал, Лёха. Изменился ты за лето, не узнать... Да, Лёха, слушай: твои книжки я все прочитал, а ты всё не идёшь и обещанные марки не приносишь. Не стыдно?

— С чего это — стыдно? Какие такие марки я обещал? Ты что, чокнулся? Я и марок-то никаких не собираю, что я — утильщик какой! — возмутился Сергей.

— Ура, ура! Он марок не собирает! — восклицал где-то далеко голос Димы. — Здоровеньки булы! «Утильщик». А чья выставка почтовых марок в классе была — «Космос». А? Ты же сам мне обещал эту серию подарить — Терешкова и Быковский. Забыл? — Дима говорил быстро, торопясь и как-то странно задыхаясь, точно спешил в гору.

«Эх, я, чудо-юдо! — подумал Сергей. — Забыл, что я теперь Лёха!» И он стал врать дальше.

— Эх ты, чудо-юдо. Шуток, говорю, не понимаешь. Нечего психовать, принесу я тебе марки, что мне, жалко что ли? И новую книжку принесу — «Хижина дяди Тома», знай читай. — При этом Сергей подмигивал своему отражению в зеркале и озорная физиономия Лёхи подмигивала ему.

— Ну, раз шутишь — ладно. Спасибо тебе, Лёха. Приходи ко мне, я по тебе соскучился. Ты хороший парень, Лёха. Настоящий друг. — Дима говорил это торопясь и всё как-то странно дыша.

«Чего он так пыхтит?» — спрашивал себя Сергей. На слова Димы он ответил:

— Ладно, не захваливай, а то как раз и не приду...

— Ты слушаешь, Лёха? — продолжал Дима. — «Хижину дяди Тома» не приноси. Ты же её ещё весной давал мне. Ну и память у тебя стала — как у кукушки.

— Память, память! Подумаешь, — вывертывался Сергей. — Что я, электронная машина? Всё помнить не обязательно. Раз «Хижину» читал, принесу тебе «Графа Монте-Кристо». И поиграем. А ещё лучше ты ко мне приходи. Папана с маманей в гости уйдут, мы одни с тобой будем. Сыграем в пожарники. Чур — я поджигатель. Ладно? — Увлёкшись, Сергей забыл, что он — Лёха.

— Эх, Лёха, — печально ответил Дима. — Я бы с радостью, да не могу. Болен я. Порок сердца какой-то нашли. Знаешь, что это такое? Лучше не знать, ну его... Мы во дворе футболили, я вратарём был, за мячом прыгнул, а очнулся в больнице... Мой доктор хороший дядька, заводной, фокусы знает и носом свистеть умеет. Честное слово! — Дима всё торопился, будто за ним кто-то гнался, а он всё бежал в гору.

Сергей вытаращил глаза. Ему стало почему-то страшно. «Порок сердца!» Он вспомнил, как по «телику» показывали операцию. У мальчика был порок сердца. На ладонях доктора билось живое сердце мальчика. «Дотрепался, балда», — ругнул он себя. «Так тебе и надо, пучеглазая макака. Надо бросать это дело. Положу трубку — и хватит. Уроки надо делать». Он так и хотел сделать, но как магнитом тянул голос Димы:

— Алло, алло, алло, Лёха? Где ты? Алло!

— Я-то? — опомнился Сергей. — Тут я, а где же ещё? — Ему стало трудно разговаривать с мальчиком, у которого порок сердца. «Димаха болен, а я, рыжий крокодил, трепатнёй занимаюсь». Но в ухо настойчиво пробивался Димикин голос:

— ...доктор сказал, Лёха, что, может, и без операции обойдётся. Значит, может быть и операция, правда? А я её боюсь. Честно. Трус я, Лёха, вот что...

— Опе-рация? — переспросил Сергей. И снова ему представилось живое сердце, которое бьётся в ладонях доктора. — Да брось ты это, Димаха. Пустяки. Нечего бояться. Мне бы такую операцию — пожалуйста. Новенькие клапаны из пластмассы пришлёпают — и будь здоров. Моим папе и маме такие штуки в детстве сделали. Знаешь, как бегают? Ого! В хоккей играют. Честное пионерское. А ты — «боюсь». Не стыдно?

— Ну и врать ты, Лёха! — воскликнул Дима. — Твоя мама в хоккей играет? С ума ты сошёл, а? Ты же сам говорил, что у неё пигергония какая-то, голова болит часто, а ты — хоккей!

— Подумаешь, мало ли чего я говорил. Вылечили — вот и играет у нас во дворе с мальчишками. Сам видел.

— Ладно, ладно, Лёха. Пусть так будет. Это ты чтобы меня успокоить, знаю. Хороший ты парень. Только очень неохота болеть. Противно. Уж лучше операция, чем валяться в кровати. Не хочу я!

— Вот и я говорю, — с азартом перебил Сергей, — лучше операция. Чик-чик, немного полежишь — и валяй, прыгай, ещё лучше прежнего. — Для окончательной убедительности он ещё приврал. — Знаешь, и у моей бабушки был порок сердца. Тоже вылечили. Ей уже сто лет, а она, знаешь, как бегают — жуть.

— Что? У твоей бабушки? Ты же говорил, что она ещё в прошлом году умерла! — положил на обе лопатки Сергея Дима.

Но Сергей не сдавался: «Врать так врать!» — решил он и сказал:

— Чудак-человек, так это же другая бабушка. О ней я тебе ничего не говорил. Это моя третья бабушка, самая старенькая. — Он умолк, не зная, что ещё сочинить.

— Что ты мелешь, Лёха? Трёх бабушек не бывает! — с жаром протестовал Дима.

— Не бывает? Откуда ты такую чушь взял? У меня же есть! — спорил Сергей, а сам даже вспотел от напряжения. «Фу ты, ну ты! — думал он, — опять попался. И зачем я эту бабушку придумал?». И, чтобы отвлечь Диму от бабушки, он добавил:

— Ладно, хватит про болезни. Постой, а то забуду. У меня есть такой перочинный ножичек — пальчики оближешь, ни у кого такого нету... — он осекся. Как-то само вырвалось насчет ножичка, а он его очень любил — четыре лезвия, отвёрточка, маленькие ножницы и футляр из чёрной кожи с золотыми буквами по-немецки — подарок от мамы на прошлый Новый год... — я тебе этот ножичек, говорю, подарить могу Шик!

— Ты спятил, Лёха? — спросил потрясённый Дима. — Это же, наверное, дорогая штука. Самому, небось, подарили.

— Мне? Подарили? Что ты! Ничуть. Сам нашёл. На улице валялся. Иду — лежит. Я и взял. Пусть не теряют. Только я эти ножички и не люблю вовсе. Ещё порежешься. И зачем мне ножички? А тебе он, может, как раз. Свистульки делать. Или ещё что. Мне он как петуху шайба. Всё равно только потеряю. Найденное всегда теряется.

— Ну, Лёха, если так — смотри. Я не откажусь. И правда — у меня ножичка почему-то нет. А карандаши затачивать бритвочками плохо. Спасибо тебе, Лёха, ты добрый. А зато я тебе свои рисунки подарю — сам выберешь. Знаешь, я для школьной выставки уже двадцать рисунков сделал. Папе с мамой нравятся.

«Добрым обозвал, — подумал Сергей. — Ну и пусть». Он спросил:

— Рисунки? Ты — художник разве? — и спохватился: «Опять выдал себя, забыл, что я — Лёха». Но было поздно, Димка, смеясь, ответил:

— Эх ты, Лёха! Я ещё не художник, конечно, но художником буду. И ты сам отлично знаешь, что я рисую, что с тобой?

— Да так просто. Уж нельзя и потрепаться!

Вдруг Дима перебил Сергея:

— Слушай, у меня весь класс перебивал, и пионервожатая Анна Семёновна была, а Васька Коровников подарил мне электровозик — сам сделал. От батарейки бегают. Здорово... Вот и выходит — ты один у меня полгода не был. Понял?

— Понял, понял. Скоро приду. Вот — в воскресенье и жди.

— Ой, как хорошо! Приходи, Лёха. Обязательно. А на каток ходишь? — вдруг осведомился Дима.

— На какой каток? Нет. С чего бы это. У меня и коньков-то нет.

— Вот так раз! Да ты чего, Лёха? Три года вместе на каток ходили, а теперь и коньков нет. Здоровеньки булы! — воскликнул Дима.

«Опять в лужу сел! — мелькнуло в голове Сергея. — Что ни скажу — всё не так». Немного подумав, он ответил:

— Ах, ты про каток! А я про бассейн подумал. Спутал, значит. На каток-то я хожу. Ещё как.

— Без коньков?

— Вот чудо-юдо. На коньках. Это у меня аквалангов нету. Ясно?

— Ну, тогда всё правильно. Чудак ты, Лёха. Смотри, тренируйся. Первое или второе место по району сцапашь — вот увидишь. Из тебя хороший фигурист выйдет. Это честно.

— Фи-гу-рист? — поразился Сергей. Он совсем запутался. На каждом слове погореть можно. Ему уже расхотелось водить за нос этого Димку.

Из зеркала на Сергея смотрела растерянная физиономия Лёхи.

— Алло, Лёха, где ты пропал?

— Да что-то звук обрывается, — оправдывался Сергей.

— Слушай, Лёха. А я, выходит, откатался. Сердечник я... И фамилия-то как раз для сердечника: Белощёков. Правда?.. — Дима умолк. Сергею показалось — плачет. И он с яростью закричал в трубку:

— Постой-постой, как это «откатался». А Мересьев — отлетался? Эх ты, хлюпик! «Откатался!» Размазня. коричневая. Пучеглазая макака. Вот вылечат — и айда на ледок. Твой доктор даже носом свистеть может. А лечить легче...

— Я же не Мересьев. Он — герой. А я — сердечник, — возразил Дима.

— Простокваша кефирная, вот ты кто. А ещё человеком называешься. Твоё, а не моё первенство по району будет. Запросто! — Сергей вошёл в роль Лёхи, но тут же ляпнул:

— Это тебе не кто-нибудь, Сергей Новиков говорит. Понял?

— Не понял. Какой Сергей Новиков? Алло, алло, ты где, Лёха? — встревожился Дима. — Какой такой Новиков?

«Снова влип!» — спохватился Сергей. Но кое-какой опыт водить за нос Димку он уже приобрел и нагло ответил:

— Новиков. Сергей. А что? Эх ты, недотёпа. Это мой псевдоним. Знаешь, как у знаменитостей. У них обязательно не свои имена бывают. Кио, например. Так и у меня. Псевдоним — Сергей Новиков. Красиво, а? И тебе рекомендую псевдоним завести. Совсем не трудно. Смотри: Дима Краскомазенко, художник. Шик! Или: фигурист Льдовский-Катковский. А? Понимаешь смак? То-то.

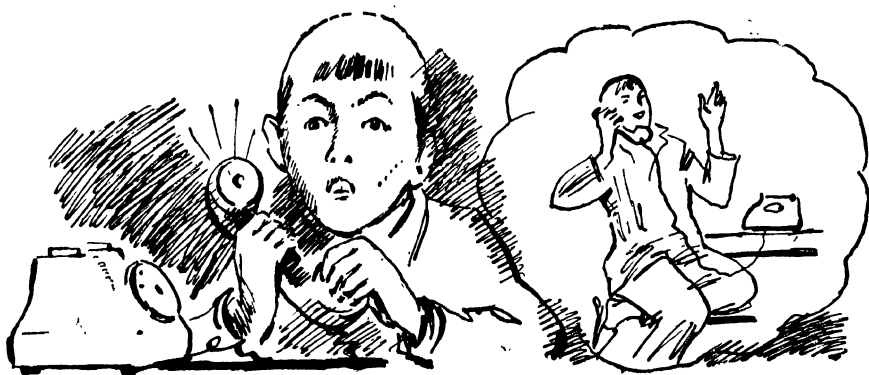
— Ха-ха-ха! — рассмеялся Дима. — Ну и фантазёр ты, Лёха.

«Вот так хорошо, — думал Сергей. — И правда — поправится, снова кататься будет. Ещё как Овчинников прославится. Хороший парень — фигурист, да ещё художник. У меня таких товарищей и нет даже. Не зря у него весь класс бывал и даже эта, пионервожатая...»

Тонкий голос Димы вывел его из задумчивости:

— Ну, что же ты молчишь, Лёха, алло, алло, где ты?

— Да опять обрыв какой-то получился, — соврал Сергей. — Тоже мне, телефонщики несчастные! — деланно возмущался он, сваливая вину на ни в чем не повинную АТС. И тут он подумал, как сделать, чтобы на чем-нибудь ещё не попасться:

— Слушай, Димаха, то есть, Дик, давай играть в города на «о».

— Давай, — согласился Дима.

И они играли в города на букву «о». Потом — в реки на «я». Оба раза проиграл Сергей. Сыграли в великих людей на «п». И снова проиграл Сергей. Проигрывая, Сергей хитро подмигивал своему отражению в зеркале и смеялся в рукав куртки. Когда кончили играть, он сказал Диме:

— Ну и хитёр ты, Димка, никак у тебя не выиграть.

— Ура, ура! — ликовал Дима. — Моя победа, моя! — От его прежней грусти не осталось и следа. Только дышал он всё так же — точно в гору бежал. И от этого странного дыхания Сергеем становилось не по себе.

И вдруг Дима заговорил ещё быстрее и почти шёпотом, так, что стало плохо слышно:

— Лёха, мои пришли. А мне по телефону — нельзя. Слушай, пока они в прихожей раздеваются... Прощай... Привет всем ребятам... И Анне Семёновне... Скажи — Белощёков рисунки для выставки сделал... Приходи в воскресенье... Жду... Гуд бай, Лёха!..

Трубка тонко загудела короткими гудками.

Сергей тоже положил трубку. Вот так штуkenция!.. Дожил. Натрепался, наврал, наобещал. А парень-то этот Димка хороший. В воскресенье надо к нему сходить. Придётся извиняться: прости, мол, Димаха, пошутить хотелось, да, видно, сам шуток не понимаю... Ну и ладно — извиниться не так уж трудно. Зато будет у меня замечательный товарищ... Сергей вспомнил про ножичек, достал его из кармана, положил на столик, погладил рукой чёрный кожаный футляр с золотыми немецкими словами... Хороший ножичек! Пойду к Димке, отнесу. Да, еще «Графа Монте-Кристо» и эти самые марки — не забыть бы: Терешкова и Быковский... А где их взять?

И вдруг Сергея как кипятком изнутри ошпарило: он же не знает Димкиного телефона! Адреса тоже. Ничегошеньки не знает, пучеглазая макака!

Он сидел у телефонного столика и тихо спрашивал блестящую красивую коробку с дырчатым диском, которая так просто всё соединяет. Где ты, Дима-Димаха-Дик-невидимка, где ты? Как найти тебя, чудило гороховое?..

Сергей подошёл к окну. Всё так же мело на улице, кружились снежинки вокруг фонаря, искрясь разными огоньками. Голубыми и зелёными звёздочками застревали они на стекле окна. Зелёный свет, зелёная улица, зелёный снег, тоска зелёная...

Папа и мама принесли с собой освежающий сухой запах мороза и снега.

— Ну, чем занимался? — спросила мама, снимая перед зеркалом меховую шапочку. — Уроки готовы? Что ты такой кислый?

— Ничего я не кислый. Голова болит, — соврал Сергей.

— Боже! Голова! Что с ним? — воскликнула мама, прикладывая холодную щёку ко лбу Сергея.

— Ничего с ним такого, — ответил отец. — Просто опять чего-нибудь натворил. — И, обратясь к Сергею, спросил:

— Что стряслось? Выкладывайте, молодой человек.

— Ничего не стряслось. Просто я плохой человек, — ответил Сергей.

— Вот как? Плохой человек? Новости! Не слишком ли? С чего это ты такое высокое звание себе присвоил? — удивился отец. Он сел на тахту и спросил. — Ну, плохой человек, что же случилось?

Рядом с отцом села встревоженная мама. Ей трудно было ждать. Она воскликнула:

— Ну, говори же, несчастный ребёнок!

— Я не ребёнок! Нечего оскорблять, — рассердился Сергей. — Только я плохой. Вот что... Я тут это... ну, позвонил в общем. Просто так, не знаю куда. А там — мальчик. Больной. У него... В общем он художник. И даже фигурист. Димой звать. Я ему всё врал, врал... Обещал ему кое-что...

— Так... — задумался отец. Он строго посмотрел на Сергея, посадил его рядом с собой.

— Значит звонил? Позвонил и кого-то обманул? Так?

— Ну, да. Я выдал себя за его товарища, за Лёху. А он, чудак, поверил. А номера телефона я не знаю. Как же я его найду? Обещал в воскресенье к нему прийти в гости...

— Боже мой! — всплеснула руками мама. — Надо же!..

— Разыграл больного мальчика? Очень хорошо... — сказал отец.

— Что же ты обещал ему? — спросила мать.

— Ножичек. Ну, тот самый. И ещё марки почтовые — Терешкову и Быковского. И «Графа Монте-Кристо» принести обещал, почитать...

— Сумасшедший! Такой ножичек! Тот, что я тебе подарила?

— Тебе ножика жаль стало? — спросил Сергея отец.

— Не-ет. А как подарить-то, если не знаю, куда идти...

— А что ты об этом мальчишке знаешь, ну-ка, вспомни, — допытывался отец.

— Дима. Дима Белощёков. И всё.

— Ура! — неожиданно закричал отец. — Отлично, сынище. Значит, фамилию мы знаем. Телефон у него есть. Так ведь? Может быть по этим данным мы его и найдём, твоего Диму. А его приятеля Лёхой зовут?

— Да.

— Значит, ты теперь — Лёха?

— Вышло, что да. Только я своей фамилии не знаю.

Отец рассмеялся. Мать сидела молча, не зная, что сказать. Отец встал, подошёл к телефону, снял трубку, набрал какой-то номер:

— Девушка, у меня к вам большая просьба. Не сможете ли вы найти нам номер телефона гражданина Белощёкова? Нет ни имени, ни отчества... Адреса — тоже... Что? Нельзя? Не может быть. Умоляю. Что? Попробуете? Через полчаса? Прекрасно. Большое спасибо, девушка! — он положил трубку на место.

— Ну, Лёха, жди. Поищут. Может, и найдут нам Белощёковых.

— А если не найдут? — осторожно спросил Сергей.

— Поищем иначе. Ты говоришь, Дима — фигурист?

— Да...

— Хорошо. Обзвоним все катки города. Юного фигуриста Белощёкова искать будем.

— Я вспомнил — их пионервожатая — Анна Семёновна...

— Это сложнее. Подтысячи школ в городе. Обзвони-ка все школы! Нет, это не получится, — покачал головой отец.

Когда прошло полчаса, отец позвонил:

— Ну, как дела, милая девушка? Что? Да?! Записываем. Минутку. — И с радостным лицом он повернулся к Сергею. — Лёха, записывай скорее... Мы готовы, — сказал он девушке. — Так. В городе трое Белощёковых? Прекрасно. Тридцать—сорок три—тридцать четыре... Есть. Одиннадцать—шестьдесят девять—сорок шесть... и семьдесят семь—двадцать восемь—девяносто два... Спасибо, милая девушка. До свидания.

Положив трубку, отец потёр руки, точно испытывал особенное удовольствие.

— Ну, Лёха... ох, прости, Сергей. Теперь звони сам. Разрешаю.

— Папочка, позвони ты...

— Я позвоню, — встав с тахты, сказала мама. — Давайте мне номера телефонов. Я счастливая.

Сергей затаил дыхание, когда мама набрала первый номер:

— Извините, пожалуйста. У вас есть мальчик Дима? Да, да. Есть? Неужели есть?! Чудеса. Спасибо вам. Можно его к телефону? Нельзя? Ах, болен! Ну да, мы знаем. А с кем я говорю? Мария Павловна? Вы его мама? Чудесно... Видите ли, наш сын Лёха... нет, простите, ошиблась, Сергей, нечаянно позвонил вашему сыну. Да, да. Он вам уже рассказал? Наш Серёжа это не Лёха. Но знаете, выдал себя за этого... Ну, да, за Алёшу. Пошутил, знаете, и познакомились. Да. И Серёжа очень хочет побывать у Димы. Говорит — ваш Дима замечательный... Пошалил... Дети, знаете ли... Одни шалости на уме... А где вы живёте? Большой проспект? Так, записываю... Спасибо. Это же совсем рядом. Мы тоже на Петроградской. Меня? Ольга Васильевна. Рада познакомиться. Будьте здоровы. Он в воскресенье обязательно к вам придёт. Всего хорошего.

Мать говорила по телефону, а Сергей носился по комнате, изображая фигуриста. Отец, закуривая, улыбался. Наконец Сергей остановился.

— Папа, можно я Коле Кучерову позвоню? Он марки собирает. А у меня марок нет. Я же обещал... Может, Коля выручит...

— Да, вот что получилось... Сколько людей тебя выручать должны... Ну, звони, пока ещё не совсем поздно — одиннадцатый час.

V. ЖИДКОСТНЫЕ ИЛИ ТУРБИННЫЕ

Сначала в безмолвное небо взлетают пучки разноцветных огней. Потом они рассыпаются в воздухе причудливыми гроздьями.

Потом доносится грохот залпа.

Потом мы видим, как каждый огонёк начинает падать, на секунду застывает, словно цветок, поникший на тонком стебельке дыма, и исчезает.

Потом всё повторяется сначала.

Зрелище салюта обычно настолько завораживает, что даже мальчишки двенадцати лет забывают задать вопрос: а как это сделано?

Фейерверки, потешные огни и ракеты были известны людям с незапамятных времён. Устраивались они очень просто: в железную или бамбуковую трубку закладывали порох, добавляли какое-нибудь вещество, придающее пламени жёлтый, красный или зелёный цвет, и поджигали. Ракета ко всеобщему восторгу взмывала в высоту, и ни зрителям, ни пиротехникам было невдомек, что они, по существу, имеют дело с первым реактивным двигателем — двигателем, которому будет суждено начать целую эпоху в истории человеческой цивилизации.

Порох горит в трубке. При горении образующиеся газы вырываются через открытый нижний конец. Сама трубка, подчиняясь закону сохранения количества движения, летит в противоположную сторону — вверх.

Случалось ли вам, надувая воздушный шарик, вдруг выпустить его из пальцев? Если случалось, то вы, наверно, замечали, что шарик не просто падает на пол, а начинает метаться по комнате, пока из него не выйдет весь воздух.

И ракета, и шарик приходят в движение под действием одной и той же силы: реактивной силы струи, вытекающей назад с большой скоростью.

Попытки использовать эту силу делались уже в XVIII веке.

Ещё Бернулли проделывал такой опыт: на корму игрушечной лодки ставил бачок с водой, в стенке которого было проделано отверстие. Когда из отверстия вынимали пробку, струя воды вытекала за корму, и лодочка начинала двигаться вперёд. Замерив скорость движения лодочки, Бернулли даже подсчитывал силу этой реактивной струи.

Несколькими десятилетиями позже изобретатель Сегнер построил гидравлический двигатель, который вращался за счёт реакции воды, вы-

Игорь ЕФИМОВ

текающей из труб по касательной к ободу колеса. Леонард Эйлер очень интересовался его работами, помогал ему советами и расчётами. Двигатель работал, вращая мельничные жернова, и работал неплохо, но большого распространения не получил, — его вытеснила паровая машина Уатта.

Огромное внимание реактивному принципу движения уделял Константин Эдуардович Циолковский. И немудрено. Ведь реактивный двигатель, в котором горение топлива может происходить без атмосферного воздуха, — единственная пока возможность для человека вырваться из пределов земной атмосферы. А все мечты знаменитого энтузиаста межпланетных перелётов были отданы именно космосу.

И всё же первое широкое применение реактивная техника нашла себе лишь в годы Великой Отечественной войны.

...В то утро несколько немецких батальонов стягивались к переправе. Рота советских бойцов, окопавшихся на нашем берегу, должна была задержать их наступление на этом участке, дать время своему полку закрепить оборону. Но силы были слишком неравные: у немцев были танки, пушки, самоходные орудия, у наших — только бутылки

Рисунки А. Курушина

с горючей смесью и противотанковые ружья. Они понимали, что обречены, но были готовы исполнить свой долг.

Вот уже немецкая пехота под прикрытием кустарника заняла исходные позиции для атаки.

Вот уже танки, ревя моторами, двинулись к узкой полоске брода.

Начали падать первые немецкие мины.

И тут случилось нечто неожиданное и непостижимое.

Какие-то яркие полосы прочертили небо над головами наших бойцов, и мгновенно вражеский берег окутался дымом и пламенем десятков разрывов. Буквально через минуту снова: свист над головой, яркие молнии и адский грохот, бьющий по барабанным перепонкам.

Когда дым рассеялся, берег был неузнаваем: изрытый воронками, заваленный трупами немецких солдат, разбитой техникой, он походил скорее на склон горы после землетрясения. Не веря своим глазам смотрели защитники нашего берега на эту картину мгновенного и полного разгрома врага, бывшего несколько минут назад таким грозным.

Оставшиеся в живых немцы бежали, бросая оружие.

Так была впервые применена на фронте реактивная артиллерия — знаменитые «катюши».

Снаряд «катюши» имеет в передней части мощное взрывчатое вещество, а в задней — канал, заполненный специальным твёрдым топливом. При выстреле электрическая искра зажигает топливо, и снаряд, отбрасываемый вперёд реактивной силой вылетевших при горении газов, устремляется к цели. Только разгоняется он не внутри ствола, а по специальным рельсам-полоскам, собранным в широкий стальной пучок — двенадцать, шестнадцать штук вместе. Поворот маленького электрического маховичка — и шестнадцать огненных следов почти одновременно прочерчивают небо.

«Катюши» наводили ужас на немецких солдат. Закреплённые прямо на автомашинах, не нуждающиеся в долгой установке на позициях, как обыкновенные пушки, они могли появиться внезапно на любом участке фронта, обрушить на противника шквал огня и мгновенно исчезнуть, не дав врагам времени прийти в себя и открыть ответный огонь.

Казалось бы, чего проще — сделай снаряд с каналом сзади и пускай его на врага. Однако состав топлива, форма канала, равномерность горения, устойчивость полёта по заданной траектории — всё это требовало такой длительной отладки, исследовательских работ, испытаний, что немцы лишь к концу войны смогли создать свою реактивную артиллерию.

К концу 1944 года немецкие налёты на Англию почти прекрати-

лись — господство английской авиации в воздухе стало полным. И тем не менее в разных концах Лондона вдруг начали раздаваться страшные взрывы. Это и было новейшее секретное немецкое оружие, о котором столько трубила фашистская пропаганда: ракеты «Фау-1» и «Фау-2». Перелетая через Ламанш в любое время дня и ночи, в любую погоду, они причиняли англичанам много бед. Перехватить в воздухе их было невозможно. Единственный способ борьбы — отыскивать заводы и стартовые площадки этих ракет и устраивать постоянные массированные налёты бомбардировщиков.

Начиная ещё с предвоенных месяцев в нескольких лабораториях велись упорные работы по созданию реактивных двигателей для самолётов. Война заставила ускорить эти работы.

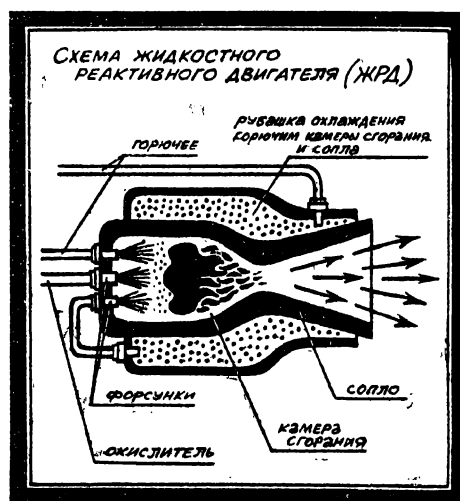
Осенью 1941 года окрестности тихого уральского местечка огласились оглушительным рёвом. Трудно было поверить, что источник такого адского шума — небольшой металлический цилиндр длиной меньше метра, установленный на специальном стенде. Людей поблизости не было видно. Они наблюдали за работой установки сквозь смотровые щели укрытия. И правильно делали — цилиндр довольно часто взрывался, окутываясь ядовитыми парами, или срывался с крепёжных болтов и улетал в близлежащий пруд. И всё же полгода спустя оглушительный рёв стал доноситься уже с неба. Шёл он теперь от небольшого самолётика невиданной конструкции — без винта, но с ярким языком пламени, бьющим из хвоста.

Это был «БИ» — первый советский реактивный самолёт, имевший жидкостный реактивный двигатель (ЖРД). По форме своей двигатель напоминал большую металлическую бутылку. Во внутреннюю полость по трубам подавались керосин и азотная кислота. Воспламеняясь, они давали такую мощную струю огня, что, вырываясь назад из «горлышка бутылки», она разгоняла

«БИ» до скоростей, недоступных никакому поршневому самолёту.

В конструкторском бюро Лавочкина тоже пытались использовать реактивную силу тяги. В хвостовой части обычного «ЛА-7» устанавливали небольшой ЖРД, рассчитанный на две-три минуты работы. Лётчик должен был включать его только в моменты боя. Лишняя тяга давала бы ему превосходство в скорости над противником: пусть кратковременное, но именно оно могло оказаться решающим.

«Стоит включить в полёте реактивный форсаж, и самолёт кидает-

ся вперёд, как от пинка», — рассказывал лётчик-испытатель Шиянов.

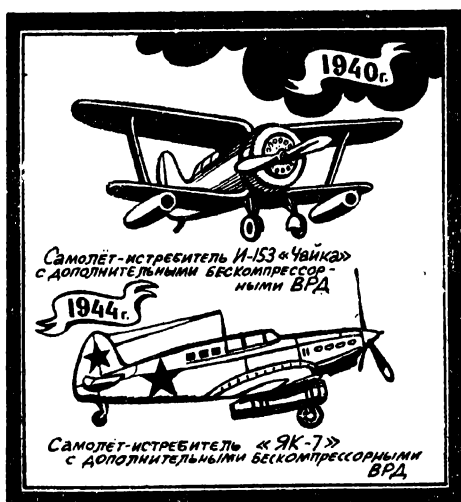
И всё-таки ЖРД не получили большого распространения в авиации. Их вытеснили двигатели, главным элементом которых была турбина.

КОГДА в начале XX века в небо взлетели первые самолёты, об этом немедленно узнали все. Ещё бы! Стоило задрать голову, и ты мог убедиться воочию, что многовековая мечта исполнилась — человек полетел.

Первые турбины были построены примерно в те же годы, но их появление мало кого взволновало. Что ещё за турбины? Машины, использующие энергию нагретого пара? Но ведь такие машины существ-

вуют уже сотню лет. Ах, они гораздо более совершенны? Ну, так и должно быть. Техника развивается, новое вытесняет старое, всё идёт, как надо, — да здравствует прогресс!

И, пожалуй, только специалисты понимали, какой переворот в мировой энергетике произведут новые машины. Относительно лёгкие, дешёвые, экономичные, они позволяли строить электростанции огромной мощности в любой точке земли — даже вдали от крупных рек. Их коэффициент полезного действия (к. п. д.) был в два раза боль-

ше, чем у поршневых машин. И чем мощнее установка, тем выше оказывался её к. п. д. Фирмы, вовремя начавшие производство новых машин, получили изрядные прибыли. За какие-нибудь десять — пятнадцать лет паровые турбины почти полностью вытеснили другие типы паровых двигателей, а имена их создателей — Лавалья и Парсонса — стали не менее знамениты, чем имя самого Уатта.

Как же устроены эти могучие машины, появление которых сыграло в научно-технической революции не меньшую роль, чем создание электрического генератора, автомобиля или самолёта?

Ни в одном городе нашей страны нет такого количества турбостроительных заводов, как в Ленинграде.

Поэтому ленинградские ребята часто видят турбины на газетных фотографиях или в кинохронике, а у многих родители трудятся именно на этих заводах и, конечно, рассказывают дома о своей работе. Но даже среди таких ребят не все сумеют отличить гидравлическую турбину от паровой (хотя они совершенно непохожи), а уж тем более объяснить, как они работают.

Если подняться в кабину крановщика в одном из цехов Ленинградского Металлического завода и взглянуть оттуда сверху на рабочее колесо готовой гидравлической турбины, оно будет похоже на невиданный гигантский цветок. Только лепестки у этого цветка таких размеров, что по каждому может прогуливаться несколько человек. Ещё такое колесо похоже на винт корабля. Оно и работает по тому же принципу, но наоборот: в корабле машина вращает винт, который, отталкиваясь от воды, движет судно вперёд, здесь же речная вода, устремляясь на лопасти турбины, заставляет её вращаться. Вместе с колесом турбины вращается и скреплённый с ним вал электрического генератора, вырабатывая электрический ток для трамваев и троллейбусов, фонарей и реклам, холодильников и сварочных аппаратов, телевизоров и кинопроекторов. Но гидравлические турбины изучает гидро-, а не аэродинамика. Поэтому о них поговорим в другой раз. А пока перейдём в следующий цех.

Главная часть паровой турбины — ротор — ничего общего с цветком не имеет. Скорее издали он может напоминать ежа. Но тело этого ежа покрыто не иглами, а рядами торчащих во все стороны изогнутых пластин — лопаток. Лопатки с каждым рядом делаются длиннее, форма их чуть изменяется, однако в принципе все они остаются похожи на одну и ту же вещь — на сильно уменьшённое крыло самолёта. Теперь представьте себе, что должно получиться, когда мы такое маленькое крыло прикрепим не к фюзеля-

жу самолёта, а к стенке металлического цилиндра, так, чтобы оно торчало наружу, и направим на него поток какого-нибудь газа? Возникает подъёмная сила, перпендикулярная плоскости крыла-лопатки. То есть по касательной к окружности цилиндра. То есть, сила, стремящаяся повернуть цилиндр вокруг своей оси. А если насадить множество таких лопаток по всей окружности? Да ещё в несколько рядов? Очевидно, что в этом случае вращающая сила вырастет до огромных размеров, и ротор начнет вертеться с бешеной скоростью.

Так оно и происходит в реальных турбинах.

Нагретый в паровом котле пар под большим давлением подаётся сначала к неподвижным лопаткам, закрепленным в корпусе турбины. Лопатки эти выполнены таким образом, что каналы между ними постепенно сужаются. Поэтому пар, устремляясь по таким каналам, разгоняется, приобретает большую скорость и, вырвавшись, наталкивается на ряд лопаток ротора. Происходит примерно то же, что и при встрече крыла самолёта с быстро несущимся навстречу потоком воздуха — возникает сила, направленная перпендикулярно плоскости лопатки, и ротор начинает вращаться.

Ряд неподвижных лопаток и ряд подвижных называют ступенью. Современные турбины обычно делают многоступенчатыми. Поэтому-то лопатки и насажены на роторе во много рядов. Когда ротор положат в турбину и закроют крышкой, в промежутках между этими рядами как раз окажутся ряды лопаток, закреплённых на неподвижном корпусе. Пар будет проходить из ступени в ступень, постепенно теряя давление и температуру, отдавая заключённую в нём энергию вращению турбогенератора. За последней ступенью он попадает в конденсатор, где давление в двадцать раз ниже атмосферного, и превратится в воду — конденсируется. Этот конденсат (попросту — вода) немедленно всасывается специальными насосами и гонится снова в котёл, где

опять превращается в нагретый пар, затем пар поступает к лопаткам турбины, и всё повторяется сначала. Котёл, турбина, конденсатор, насос, котёл, турбина, конденсатор, насос — так и носится паровода по замкнутому контуру котло-турбинной установки, помогая превратить тепловую энергию топлива, сжигаемого в котле, в механическую энергию вращающегося вала турбины.

Перейдём ещё дальше — из сборочного цеха в цех турбинных лопаток. Если присмотреться к черте-

жам, лежащим на станках перед рабочими, то на многих из них мы увидим вот такой знак: ∇ 10. Это значит, что поверхность металла в указанном месте должна быть обработана с предельно возможной ступенью чистоты. Поэтому в лопаточный цех всегда принимают рабочих только самой высокой квалификации. Турбинные лопатки после окончательной обработки на шлифовальном станке приобретают почти зеркальный блеск. Эта зеркальность — требование аэродинамиков. Их эксперименты и расчёты показывают, что нарушение чистоты обработки может привести к потере тысяч киловатт полезной мощности машины.

Вообще между аэродинамиками, конструкторами и технологами на турбостроительных заводах, так же

как и на авиационных, идёт постоянная борьба.

— Лопатки последней ступени,— говорят, например, аэродинамики,— должны иметь вот такую длину, и форма их сечения должна плавно меняться вот по такому закону. Тогда отдача энергии от пара будет максимальной.

— Но помилуйте,— восклицают конструкторы,— у нас ротор будет вращаться со скоростью три тысячи оборотов в минуту. Нельзя ли сделать лопатки поменьше? Не то они получаются такими тяжёлыми, что

их просто вырвет центробежной силой из гнезд.

— Нет, нельзя,— строго отвечают аэродинамики.— А то потеряете вот столько-то и столько киловатт. Выкручивайтесь с прочностью, как знаете.

— Ну, хорошо. С прочностью нам помогут металлурги — создадут сверхпрочную сталь. А вот форма. У вас профиль меняется по такому сложному закону — его ни на токарном станке, ни на фрезерном, ни на строгальном не сделаешь. Придётся изготавливать десятки специальных фасонных фрез, да ещё для обработки такой сверхпрочной стали.

— А нам какое дело? Мы даём задачу, а как её исполнить, пусть думают технологи.

Но технологи так просто не сдаются и зовут на помощь экономистов. Экономисты делают свои подсчёты и говорят аэродинамикам:

— Выигрыш в полезной мощности, который обещает ваша лопатка, даст столько-то рублей экономии. Но, чтобы изготовить лопатку столь сложной формы, надо затратить на новые станки, фрезы и оборудование знаете сколько? В три раза больше. Так что упростите. И тут уж аэродинамикам крыть нечем. Крепя сердце они вынуждены пойти на уступки.

— Ладно уж,— говорят они.— Сделаем вам профиль проще. Только, честно сказать — жалко портить такую красоту.

На Ленинградском Металлическом заводе недавно была создана паровая турбина невиданной мощности: восемьсот тысяч киловатт. А сейчас проектируется 1 200 000!

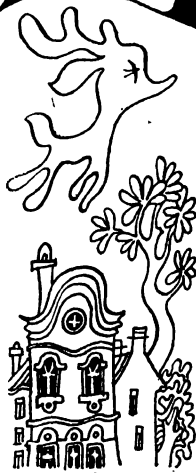
Но одно дело — увеличивать мощность, когда знаешь, что турбина будет установлена на земле. А если в техническом задании сказано, что турбина предназначена для корабля? Тогда огромную роль начинают играть вес и размеры всего агрегата (котёл и турбина). Если же перед конструктором поставить задачу: спроектировать паровую турбину, которая могла бы вращать пропеллеры самолёта, он только разведёт руками и с цифрами в руках докажет вам, что это невыполнимо. Вес всей установки с котлом, с запасом воды и топлива будет так велик по отношению к мощности двигателя, что такой самолёт взлететь не сможет.

Конструктор будет совершенно прав.

И тем не менее именно турбинам было суждено прийти на смену поршневым двигателям внутреннего сгорания и за несколько лет вытеснить их почти из всех сфер самолётостроения.

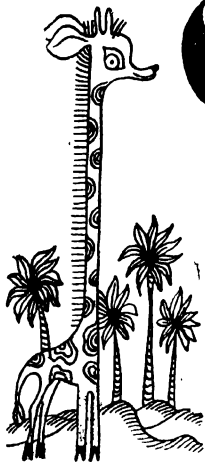
Олешек

Окружѣнный
белыми,
Белыми снегами,
Плыл олешек
по небу
С белыми рогами.
С белым-белым
носом,
С беленьким
копытцем.
Что ж тебе,
дружочек,
Дома не сидится?
Ну, а почему же
Ты весь белый-
белый?

Объясни, пожалуйста,
Одолженье сделай!
Может, тебя мама
Молоком умыла,
А потом,
должно быть,
Вытереть забыла?
Ты, наверно, белый,
Белое копытце,
Оттого, что очень,
Очень любишь
мыться.

Наташа ЯЩЕНКО,
5-а класс, 326-я школа

Жираф

Градусник испорченный на стене висит,
Клетчатым жирафом на меня глядит.
Уголок отломанный на его шкале,
Спирт в стеклянном шарике спит на самом дне
Бегают жирафы в Африке гуськом,
О своём сородиче думают тайком:
«Где-то наш родимый градусник-дружок,
С уголком отломанным, прибитый на гвоздок?»

Костя СИДЯКИН, 6-й класс

Дождик

Дождик к нам в окно
стучит,
Дождик с нами говорит
Дождевою речью,
Мы с ним — человечей.

Римма ЯКУШЕВА,
3-б класс, 24-я школа,
г. Калининград

ПУШКИ КАПИТАНА КУКА

Американская научная экспедиция, ведущая исследование морского дна у берегов Австралии, обнаружила на 18-метровой глубине, в 20 километрах от города Куктаун, три чугунные пушки и несколько четырёхфунтовых ядер. Как установлено, пушки принадлежали кораблю «Индевор», на котором знаменитый анг-

лийский мореплаватель капитан Кук в 1770 году приплыл к австралийским берегам. Здесь его поджидало несчастье: корабль его сел на рифы. Чтобы сняться с подводных камней, Кук приказал сбросить за борт шесть пушек и ядер.

Находка пополнила экспонаты одного из музеев Австралии.

КОНКУРЕНТЫ

Знаменитый нью-йоркский 102-этажный небоскрёб «Эмпайр стейт билдинг» был построен в 1930 году и в течение сорока с лишним лет не имел конкурентов. В 1971 году в Нью-Йорке было закончено строительство двух 110-этажных корпусов «Всемирного торгового центра». Появились конкуренты!

Группа американских архитекторов выступила с предложением надстроить «Эмпайр стейт билдинг» ещё на одиннадцать этажей и вернуть ему былую славу самого высокого здания в мире.

«МЕДВЕЖИЙ РАЙ»

На стыке Казахстана, Узбекистана и Киргизии есть удивительный уголок нетронутой природы — уникальный природный заповедник Аксу-Джибаглы. Он охотно посещается туристами.

Один из туристских маршрутов проходит по владениям белокопытных медведей, отличающихся миролюбивым нравом. Аксу-Джибаглы называют «медвежьим раем» — здесь насчитывается более двухсот зверей.

ПЛАСТИК ИЗ... ДЫМА!

Учёные - нефтехимики создали из органических остатков, пепла и горючих сланцев новый пластик — винизол.

Винизол почти невесом, прочен, не горит, не боится кислот и щелочей, легко склеивается. Он не только лёгок, но и дешёв, так как делается по существу из дыма.

По мнению специалистов, универсальные достоинства нового пластика гарантируют ему широкое применение в народном хозяйстве.

...во время проходки шахты золотосодержащих песков в районе реки Индигирки обнаружена интересная находка! С глубины 9 метров, в зоне вечной мерзлоты, подняли тушу ископаемой лошади, возраст которой 15—20 тысяч лет. Поскольку подобная находка единственная на нашей планете, она вызывает глубочайший интерес как советских, так и зарубежных учёных.

...единственным в нашей стране музеем мозаичного искусства станет храм Спаса на крови, сооружённый в Петербурге в 1883—1907 годах! В нём начались реставрационные работы.

...половину всей площади Сахалина (43 тысячи квадратных километров) занимают леса! По разнообразию древесных пород сахалинская тайга — одна из богатейших в стране. Здесь около двухсот видов деревьев, кустарников и деревянистых лиан. Самые распространённые породы — сахалинская пихта и саянская ель. Встречаются даурская лиственница, белокорая полярная берёза и другие деревья. Флора Сахалина — своеобразный ботанический сад, созданный природой.

...около миллиарда пассажиров перевезли автобусы нашего города в про-

шедшем году! На магистралях Ленинграда действуют 167 городских, 100 пригородных и 60 междугородных маршрутов, которые обслуживают 2800 машин.

...в этом году начнутся работы по прокладке туннеля под Ламаншем! Туннель длиной в 52 километра свяжет Париж с Лондоном железной дорогой. Потребуется только 2 часа 40 минут, чтобы преодолеть расстояние между двумя столицами. Закончить строительство туннеля намечено к 1980 году.

...протяжённость линий Аэрофлота только в пределах нашей страны превышает 595 тысяч километров! Тысячи городов и населённых пунктов связаны регулярным воздушным сообщением. Быстрокрылые лайнеры летают в десятки стран Европы, Азии, Африки и Америки. Во втором году девятой пятилетки Гражданский воздушный флот перевёз около 85 миллионов пассажиров. Сейчас воздушным транспортом пользуется в среднем каждый третий житель.

...Александр Бенедек, работающий на Брашовском тракторном заводе (Румыния), увлекается изготовлением вещей из дерева! Недавно он сделал скрипку из... 3000 спичек! Уникальную скрипку испробовал и похвалил известный румынский скрипач Константин Бобеску.

...в подвале базилики (храма) Санта Мария Маджоре в Риме итальянские учёные обнаружили календарь... 332 года нашей эры! Это одна из самых крупных находок подобного рода. Каждая панель календаря вмонтирована в стену. Высота панели — полтора метра. Длина всего календаря — 35 метров. Найдёнка представляет большой интерес для учёных. Ведутся реставрационные работы.

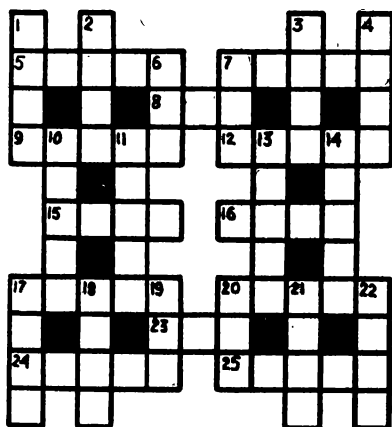

...в высокогорных районах Монгольского Алтая на высоте 3000 метров встречается бескрылая саранча! Природа обделила её крыльями, но зато щедро наделила прожорливым аппетитом. Бегая по пологим склонам гор, она поедает в сутки столько травы, сколько весит сама. Но самое удивительное — это её приспособляемость к местным суровым условиям. Ночью, когда температура воздуха в горах опускается до минус семи, саранча впадает в состояние анабиоза. На земле валяются как бы обмороженные трупы. Но только взойдёт солнце, отогреет немного землю, и оживает «мёртвое царство». Поистине каждое утро происходит «воскрешение» из мёртвых.

...нашу Землю населяет огромный и удивительно разнообразный мир животных! По подсчётам учёных, на суше, в реках, морях и океанах обитает не менее 1 120 000 различных видов животных, из которых 200 000 видов «проживает» на территории нашей страны.

УМНОЖЕНИЕ

В этом кроссворде нужно определить порядковый номер каждого из данных слов. Это можно сделать, вписав слова в клетки кроссворда.

Ролик. Марат. Ода. Репс. Олово. Храп. Укол. Релит. Кот. Галоп. Окапи. Порок. Спор. Акула. Гам. Хлор. Ток. Топь. Лира. Анапа. Пирит. Гопак. Луна. Рало. Марал. Оса. Маг. Овал.

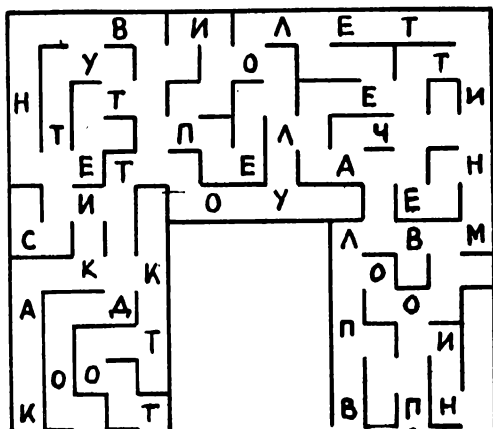
Ключом к этой криптограмме является таблица умножения... Но будьте осторожны: некоторые буквы обозначаются одинаковыми цифрами.

	1	2	3	4	5	6
1	ь	ю	о	ц	с	д
2	р	а	ы	и	й	в
3	ч	л	е	я	н	к
4				г	б	т

ЛАБИРИНТ

Этот лабиринт нужно пройти насквозь таким образом, чтобы из букв, попавшихся на пути, сложилась народная пословица.

6, 9, 15, 8, 15, 16, 2, 4, 6, 18, 3, 6, 6, 20, 9, 6, 1, 12, 9, 6, 8, 18, 3, 10, 3, 18, 24, 12, 20, 2, 1, 5, 18, 3, 10, 5, 3, 4, 8, 4, 6, 8, 5, 24, 8, 3, 9, 5, 18, 3, 10, 2, 9, 12, 3, 6, 2, 4, 8, 8, 16, 3, 2, 3, 6, 16, 9, 2, 3, 10.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

В каком порядке нужно расположить эти слова, чтобы они образовали ряд, подчинённый определенной закономерности.

Керамика, шляпа, косилка, посольство, варенье, афалина, кордон.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

КАС —
— РА

Замените чёрточки слогами так, чтобы получились четыре слова: два по горизонтали и два по вертикали.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 5]

КРОССВОРД

По горизонтали. 4. Альпинизм. 7. Куртина. 10. Автопортрет. 13. Пение. 14. Цикля. 16. Трап. 17. Ядро.

По вертикали. 1. Блок. 2. Биотло-нист. 3. Изба. 5. Дека. 6. Торт. 8. Уровень. 9. Нотация. 11. Венера. 12. Евклид. 13. Порт. 15. Ярмо.

ЦИФЕРБЛАТ-КЛЮЧ

Не имея терпения, ничему не научишься.

Содержание

Как начинается лето. Песни первых пионеров. В лесу. Клевер. Колокольчики. Стихи Василия Фетисова . . .	1
Первые герои. Очерк Эд. Аренина . . .	3
Полдень. Стихотворение Игоря Фролова . . .	9
Плюшевый заяц. Рассказ Бориса Водопьянова . . .	10
Две тени. Стихотворение Нонны Слепаковой . . .	18
Жаворонки прилетают сюда. Окончание повести Леонида Шестакова . . .	19
Триста восемьдесят тысяч двести двадцать комаров. Стихотворение Вольта Суслова . . .	41
Две цветастых рубашки. Рассказ Валерия Воскобойникова . . .	42
Телефонный разговор. Рассказ Льва Протопопова . . .	46
Рассказы о науке полёта. Очерк Игоря Ефимова . . .	54
Олешек. Жираф. Дождик. Стихи Наташи Яценко, Кости Сидякина, Риммы Якушевой . . .	60
Пёстрые заметки . . .	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника В. Меньшикова «Лето».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд Н. Карасёва «В походе».

На 3-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «Аптека ждёт».

На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Народная загадка».

Редактор В. Л. БИАНКИ

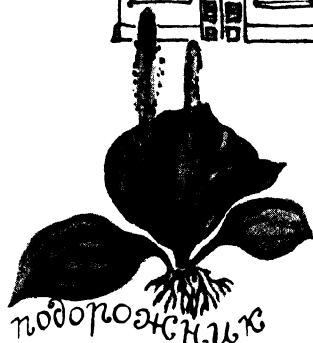
Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 28/IV 1973 г. Подписано к печати 14/VI 1973 г. 4 п. л. М-37888. Заказ № 174. Формат бумаги 70×103¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского. Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 57

ромашка
аптечная

пастушья сумка

зверобой

черёда

чага

лапчатка

шиповник

плаун

МНОГ МАСТЕР
СРУБИЛИ ИЗБУ
БЕЗ УГРОБ

